Тарикат призывает только к миру, согласию, терпимости, успокоению и умиротворению
(С. 4)

На наших глазах идет реальное возрождение сельского хозяйства
(С. 8)

ДАГЕСТАН

Я воспитан на русской культуре, но горжусь тем, что я ингуш
(С. 13)

№11 (122)
НОЯБРЬ 2015

Там милиционер говорит: «Половину хлеба съешь, другую половину мне продай. Деньги на улице дам»
(С. 16)

А по мне: лучше в своем ауле быть подошвой, чем на чужбине султаном…
(С. 23)

Прочувствовать и пропустить через сердце время – есть вечное в поэзии
(С. 28)

Отец – военный, мама кардиолог, дедушка директором театра был… Золотая девочка!
(С. 37)

Колонка редактора

Лишь серость, как всегда, невозмутима...

Я понимаю юношеский максимализм и молодецкую бесшабашность многих наших дагестанцев. Когда нет в арсенале чего-нибудь отличительного, они впадают в крайность и идут на отчаянные поступки. Много таких людей прорвалось на политическую арену в лихие девяностые. Люди к ним относятся по-разному. Для глупых они – кумиры, более трезвые на них смотрят с осуждением и частично с пониманием, но есть и такие, кто презирает любую крайность, выходящую за рамки приличия и морали. Их меньше всего, они пассивны, живут замкнутой, оторванной от других собственной жизнью. Если бы среди нас преобладала последняя категория граждан, никому не пришлось бы убивать, грабить и воровать, чтобы самоутвердиться… Пришлось бы соблюдать нормы закона, морали, нравственности, жить самому и дать жить другим.

Как известно, большинство определяет роль и место человека в обществе. Не зря говорят, что общественные запросы порождают героев своего времени. Если к кормилу власти прорвался бандит, то это признак ослабления государства, и, как следствие, образовавшийся вакуум заполнился бандитизмом. Самому обществу свойственна трансформация по обстоятельствам и самоорганизация – это признак живого организма, адаптирующегося к реалиям жизни.

Возникает вопрос: что первично? Бандит, пришедший управлять, или запросы общества, которое нуждается в управлении бандитом? Скорее, само общество определяет людей своего времени. В советское время в тренде были парни с именами Слава КПСС и Слава Труду. Хотя это из анекдота. Но, как известно, в каждой шутке есть доля шутки, а остальное – правда. Вряд ли кто станет опровергать, что в почете тогда были честный труд, образование и наука, культура и искусство. Элитой общества была интеллигенция: ученые, писатели, актеры, представители творческой и научной деятельности. Но никак не криминал и не работники райпо и потребсоюза – наиболее обеспеченная часть общества.

После распада страны на арену вышли люди без каких-либо моральных ограничителей, готовые на все ради достижения своей цели – власти и денег. Эти люди рисковали ради чего-то, не отступали от своих принципов, у них хватало мужества идти на смерть, хотя намерения и цели их не всегда были праведными. Многие из них стали жертвами противников, а остальных, как мы наблюдаем сегодня, убирает государство. Их времена в Дагестане проходят, но отношение людей к ним разное, порой диаметрально противоположное…

Наступило новое время и, соответственно, у него появились свои герои. Кто они, чем отличаются от коммуниста 80-х и бандита 90-х?

Наблюдая за людьми, которые пиарят себя и хотят прорваться к власти, думаю, что хуже придумать нельзя. В них нет ни образования коммуниста, ни духа и решительности бандита. Что-то серое и безликое заполняет все трибуны и президиумы. Нет базовых знаний, опыта управления, но есть удивительное чутье конъюнктурщика: где и кому угодить, с кем фотографироваться, как ввести в заблуждение людей ради достижения своей цели. Наступило время серости, и мое предположение, что общественные запросы порождают героев своего времени, оказалось, к сожалению, полной правдой.

Рассуждая в соцсетях о некоем «Общественном деятеле года», которого люди не знают, – ни кто он, ни чем знаменит, кроме как фотографиями с известными людьми, – я получил оригинальный ответ от представителя его фан-клуба: «Вы завидуете его успешности». У меня нет ответа, достойнее будет промолчать – это не так сложно. Оставляю этот сумасшедший мир в заблуждении со своими героями, бесполезно с ними говорить. Как там было у поэта? «**Посредственность, тебя я не люблю, но и вражды своей не удостою...**»

Магомед Бисавалиев

ДАГЕСТАН
№11 (122) ноябрь 2015 г.

Выходит с августа 2002 года.
Периодичность – 12 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛЬ
Министерство
печати и информации РД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Магомед БИСАВАЛИЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны:
67-02-03 (главный редактор)
67-02-08 (отделы)
http://journaldag.ru
E-mail: dagjur@mail.ru

НАШИ РЕКВИЗИТЫ:
Получатель: ИНН: 0562053040
КПП 057201001
УФК по РД (ГБУ РД «Редакция журнала «Дагестан» л/с 20036Ш60490)
Банк: ГРКЦ НБ РЕСП. ДАГЕСТАН БАНКА РОССИИ г. Махачкала
Р/С 40601810100001000001,
БИК 048209001
Назначение платежа:
13500000000000000130
(л/с 20036Ш60490)

Журнал зарегистрирован Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № 10-4793 от 23 июля 2002 года. Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – свидетельство ПИ № ФС 77-36557 от 05 июня 2009 года.
ОГРН 1020502629927

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в типографии ООО «Издательство «Лотос».
Адрес типографии: 367000, РД, г. Махачкала, ул. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 5.
Тираж – 1500 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс на год – 63280,
на полугодие – 78434.

Цена номера в киосках «Дагпечати» – 50 руб., у общественных распространителей – свободная.

Содержание номера:

Эдуард Эмиров
А что бы сказал Суракат?
С. 4

Эдуард Эмиров
«Учусь у своих коллег»
С. 8

Влада Бесараб
Муса Оздоев. Недежурный разговор
С. 13

Светлана Анохина
Написанному верить
С. 19

Магомед-Расул
Аллах все видит
С. 23

Магомед Ахмедов
Исповедь, как предисловие
С. 28

Алиса Ганиева
Жених и невеста
С. 37

Эдуард Эмиров

А ЧТО БЫ СКАЗАЛ СУРАКАТ?

Консультант Комитета по межнациональным отношениям, внешним связям, делам общественных объединений и религиозных организаций Асият Пирбудакова с первых лет существования Народного Собрания, а, следовательно, и самого Комитета, воочию наблюдала деятельность Сураката Хаваловича, хорошо изучила стиль его работы. «Он никогда не заставлял посетителя ждать в приемной, а с протянутой рукой и обаятельной улыбкой направлялся к человеку, который пришел за советом и помощью. Как-то в его кабинете один именитый спортсмен решил удивить Сураката Хаваловича, показав ему прием, отключающий человека одним ударом. На это хозяин кабинета не без иронии парировал, мол, ты лучше покажи такой прием, который помог бы обнять нескольких человек одновременно…»

Так же, как и Асият, я во время учебы на историческом факультете ДГУ в 70-е годы прошлого века, находился под обаянием этого неординарного человека, который, кроме всего прочего, являлся профессором кафедры истории Дагестана. Он по праву считался кумиром студенческой молодежи. Для юношей он был примером мужества и стойкости и в спорте, и в жизни, а девушки мечтали, чтобы будущие мужья хотя бы отдаленно походили на их легендарного преподавателя и старшего товарища.

Когда в 1998 году ему присудили звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», он расценил эту награду не столько как оценку своего ораторского искусства или академических знаний, а за то, что смог стать для студентов другом, тем, кто разговаривает с ними на равных.

БЛАГОДАРНЫЙ ПОТОМОК ИМАМА ШАМИЛЯ

Мы, студенты, затаив дыхание, слушали лекции Асиятилова. Он был непререкаемым специалистом по истории шамилевского движения 20–50-х годов XIX века; сотни студентов и аспирантов под его руководством написали научные работы по этой теме, стали дипломантами на конференциях и симпозиумах.

Даже иногда казалось, что он сам каким-то удивительным образом перенесся из того времени в сегодняшнюю жизнь, став ретранслятором тех ценностей, горской этики, присущих периоду борьбы горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля, – периоду дагестанской истории, которым так восхищался Суракат Асиятилов.

Суракат Хавалович был одним из тех, кто развеял миф о насильственном насаждении ислама в Дагестане. Во всем его облике, во всем его поведении, реакции на те или иные события и поступки своих земляков чувствовалось его узденское происхождение из вольного общества независимых и гордых людей.

БЕЗ ДУХОВНОСТИ НЕТ НРАВСТВЕННОСТИ

Эти слова, вынесенные в подзаголовок, можно было бы сделать эпиграфом к жизни Асиятилова. Камил Давдиев, его преемник на посту председателя парламентского комитета, не удивлен, что именно Суракат Хавалович инициировал республиканские законы «О защите личной и общественной нравственности» и «О профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании». Его неравнодушной натуре претило смотреть сквозь пальцы, как внедряются в дагестанскую действительность наркомания и проституция, бездуховность и пренебрежение горским этикетом. Еще в середине 90-х годов прошлого века Суракат Хавалович вместе с муфтием Дагестана Сайид-Мухаммадом Абубакаровым и шейхом Саидом-Афанди Чиркеевским предупреждали об угрозе для республики внедрения в сознание дагестанцев радикальных идей в исламе. Он очень гордился своим детищем – законом РД «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях».

Время показало правомерность и справедливость, а самое главное, своевременность принятия в октябре 1999 года и закона «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности».

Когда я работал в правительственном комитете по делам религий в 2008 году, то попросил Сураката Хаваловича выступить на конференции по проблемам современного ислама в Дагестане. И не случайно он выбрал тему терпимости и миротворчества ислама. Это очень отвечало естеству самого автора. В своей статье он говорил: «Нет большего богатства, чем мудрость, нет большей нищеты, чем невежество. Только невежественные люди способны формировать представление об исламе как о фанатичном учении, пугать российскую общественность тарикатскими шейхами и их «дружинами». Тарикат призывает только к миру, согласию, терпимости, успокоению и умиротворению.

Если бы истинный ислам был ориентирован на сепаратизм и экстремизм, то шестым столпом учения ислама была бы обязанность мусульманина находиться в состоянии вечной войны с неверными. Этого нет, и не могло быть, так как Всевышним велено мусульманам постоянно в помыслах, в устах и в делах иметь салам, сабур и салят – мир, терпение и молитву.

Вечное стремление к миру и согласию вселило в ислам неистребимую, жизнеутверждающую силу, которую все больше и больше осознают друзья и боятся враги ислама … »

Хорошо помню его лекции, в которых он хотел донести до нас мысль о том, что если бы ислам утверждался силой оружия, то он бы исчезал с уходом завоевателей. Однако этого не произошло ни в одной стране мира, принявшей ислам.

Со студенческой скамьи помню слова Сураката Хаваловича о том, что основным стержнем ислама является умеренность, нацеленность на компромиссы, избегание крайностей. Истинный ислам – религия середины, ему чужды крайности: сепаратизм, экстремизм. В мусульманском халифате иноверцы получали покровительство мусульман, их защищали от внешних врагов, они имели гарантии неприкосновенности личности, имущества. Далее зороастрийцы, у которых господствовал культ огня, что по исламу считается язычеством, тоже находились под их покровительством. Для них не существовало ограничений в отправлении культа и ритуалов.

Мой преподаватель Суракат Асиятилов часто повторял: «Ислам не запрещал иноверцам заниматься любой профессией. Именно христиане и иудеи занимались наиболее доходными делами. Их было много среди банкиров, торговцев, крупных землевладельцев и врачей. В Сирии большинство финансистов были иудеи, а врачи и писцы – христиане. Жизнь иноверца перед законом была равноценна с жизнью

мусульманина. По законам Абу Ханифы и Ибн Ханбала, за убийство немусульманина и мусульманина уплачивалась одинаковая цена».

Жаль, что сегодняшние события на Ближнем Востоке этому противоречат. Я думаю, а что бы сказал Суракат Хавалович, если бы узнал, как сегодняшние вандалы уничтожают памятники древней Пальмиры, которым более двух тысяч лет. Пророчески звучат сегодня слова Сураката Асиятилова о том, что глобализация способствует агрессивному распространению западного образа жизни, который с точки зрения мусульманской традиции является аморальным. «Информационный террор» навязывает такие формы поведения, как алкоголизм, проституция, однополые браки, противоречащие нормам и принципам ислама. Это также является одной из причин радикализации мусульманской общины.

ОН БЫЛ ИСТИННЫМ «МАСЛИАТЧИКОМ»!

По исламу, самым дурным качеством в человеке считается возбуждение среди народа всякого рода смут, фитна (фитначи – смутьян на всех языках народов Дагестана, считается очень оскорбительным словом). Зачинщики смут и волнений, по словам пророка Мухаммеда (ствс), прокляты Всевышним, а согласно Корану, это является проступком даже более тяжелым, чем убийство. Самым тяжелейшим грехом считается восстание против власти, даже если сама власть притесняла народ и тем самым подавала повод к подобным восстаниям. Это объясняется тем, что последствия подавления таких восстаний, бунтов оказываются более тяжелыми, чем вызвавшие их причины.

В интервью Камил Давдиев как раз и отмечал высокий уровень государственного мышления Сураката Хаваловича, неоценимые заслуги своего учителя в деле разрешения различного рода спорных моментов, которые возникали в различных регионах – как республики, так и за ее пределами. Корень этих конфликтов в большей степени лежал не столько в политической и межэтнической плоскости, сколько в социально-экономической сфере. Он неоднократно бывал в Чечне, встречался с руководством тогдашней Ичкерии.

Мне приходилось часто слышать и видеть Сураката Асиятилова на разного рода конференциях и круглых столах, и всегда он отстаивал конституционный принцип свободы совести. Он нередко повторял, что отделение государства от церкви не отрицает взаимодействия государства и религиозных организаций. Оказание помощи религиозным организациям в формировании системы подготовки священнослужителей в сегодняшних условиях широкого распространения экстремистской идеологии и сектантской литературы является настоятельной необходимостью. Без консолидации усилий государства и религиозных деятелей противодействие экстремизму окажется малоэффективным.

ДЕПУТАТСКИЙ СТАТУС ПЛЮС АВТОРИТЕТ

Депутат – фигура весьма заметная. В каком бы звене представительного органа он не работал, всеми его действиями движет воля народа, воля избирателей. Именно таким депутатом до самой своей кончины был Суракат Асиятилов. Он был депутатом от народа и для народа, а не просто носителем титула. Люди знали высокие человеческие качества Сураката, его простоту и общительность, внимательное отношение к людям и постепенно превратили его как бы в посла горцев в столице. К нему постоянно обращались люди с самыми разнообразными просьбами, шли даже из самых отдаленных сел. И не было покоя Сураката, пока не найдет в кабинетах власти приемлемое для людей решение.

Он избирался депутатом Народного Собрания РД на протяжении нескольких созывов. Это результат большого доверия избирателей, свидетельство высокого авторитета и уважения, которым он пользовался среди населения. Избрание Сураката Хаваловича председателем парламентского Комитета по межнациональным отношениям, внешним связям, делам общественных объединений и религиозных организаций было очень точным и удачным. Именно благодаря стараниям и инициативе Сураката на знамени республики появилась зеленая полоса, символизирующая приверженность дагестанцев исламским ценностям. Он в своих лекциях, книгах, общественных выступлениях прославлял имамов, их мужество и стойкость, справедливость, верность исламской религии.

До сих пор сотрудники Аппарата Народного Собрания, да и депутаты первого созыва помнят, как он предложил своим коллегам снять с себя право депутатской неприкосновенности. Произошло это на февральской сессии 1998 года. Как и следовало ожидать, эта инициатива была отвергнута. Последовавшие затем события с захватом правительственного здания в мае 1998 года показали правоту Асиятилова и «бесхребетность» некоторых депутатов. Он был одним из первых, кто предложил внести на рассмотрение Государственной Думы проект закона, ограничивающего доступ в законодательные органы власти лиц, имеющих судимость за особо тяжкие преступления. Его инициатива была поддержана парламентами республик Адыгея, Алтая, Бурятии, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Чувашии, Краснодарского и Ставропольского краев и еще 9 субъектами РФ. Будучи истинным интернационалистом, он идентифицировал себя в трех ипостасях – россиянин, дагестанец, аварец. И всегда выступал против создания национальных движений в республике.

Необыкновенно широкая и всегда искренняя улыбка Сураката Хаваловича, размах его рук, широченные ладони, которыми он порой размахивал на сессиях парламента, всегда выдавали его открытую и искреннюю натуру. Он шел по жизни с открытым забралом, не примерял какие-то маски, чтобы кому-то понравиться. Говорил то, что думал. Ходил без охраны, но говорил так, будто за ним стоит многотысячная армия. Она и стояла за ним – многочисленная армия его земляков разных национальностей и вероубеждений, доверявших его мнению, солидарных с каждым его словом, готовых подписаться под каждой его строкой. Его слова, оценки, шутки моментально становились поговорками. Ум Асиятилова был пронизан народной мудростью. Жалею, что не записывал многие его афоризмы, которые сегодня были бы бесценными свидетельствами его искрометного ума.

Оценки Сураката Хаваловича были настолько меткими и точными, что невозможно было им не восхищаться. При встрече он всегда мог дать исчерпывающую характеристику человеку, событию, явлению. Он и сам был явлением – неповторимым и нестареющим. Его острое слово было одновременно и скальпелем и врачующим бальзамом.

Много времени и энергии он затрачивал на то, чтобы улучшить жизнь своих земляков – жителей Шамильского района. Хорошо помню его депутатские запросы, с которыми он периодически выступал на сессиях парламента. По его инициативе завершено строительство Келебского моста на границе Тляратинского и Шамильского районов, на его депутатском контроле было строительство дороги от Хебда до Гидатля. А его многократные обращения в Правительство РД по поводу газификации сел. Новая Урада, в конце концов, увенчались успехом.

Ему принадлежит заслуга в том, что его родной район, носивший название «Советский район», получил название «Шамильский район». Благодарные земляки помнят добрые дела своего известного земляка и стараются следовать его заветам. Так же, как и его сын – нынешний глава района Магомед Асиятилов. Суракат Хавалович прожил достойную жизнь и мог бы гордиться своими детьми и внуками. Дагестанцам его будет очень не хватать, но вместе с этим память о нем, его спортивные и научные достижения, книги и статьи – бесценное наследие, которое он подарил нам, будет с людьми всегда.

Материал подготовлен
при содействии
Асият Пирбудаковой

Андрей Меламедов

«УЧУСЬ У СВОИХ КОЛЛЕГ»

На фоне войны санкций, в условиях которой нам, очевидно, придется жить еще не один год, российский агропром превратился едва ли не в главную отрасль экономики. Это заметно хотя бы потому, что при кризисной переверстке бюджета расходы на сельское хозяйство не только не урезали, как большинство остальных, но и решили увеличить. На реализацию программы импортозамещения, которая сегодня для России является приоритетной, выделяются сотни миллиардов рублей, за счет которых планируется поднять сельское хозяйство страны на новый уровень. Особая роль в этой масштабной работе отводится фермерам. По мнению руководства страны, именно фермеры должны будут «залатать» дыры на наших прилавках, образовавшиеся после введения продовольственных санкций. О том, насколько реальны подобные ожидания, а также о проблемах современного фермерства в России корреспондент журнала «Дагестан» поговорил с самым титулованным фермером Дагестана, членом Общественной палаты РД, руководителем КФХ «Азамат» Магомедом Алибулатовым.

Несколько лет назад о фермере Алибулатове мы писали. Уже на тот момент в КФХ «Азамат» действовали механизированные животноводческие комплексы на 500 голов крупного рогатого скота и на 2500 голов овец и коз, цеха по переработке мясо-молочной продукции и многое другое.

По количеству золотых и серебряных медалей, завоеванных на различных сельскохозяйственных выставках, это хозяйство являлось чуть ли не чемпионом России. За прошедшее время, кстати, количество медалей практически удвоилось – ежегодно в «копилку» КФХ «Азамат» добавляются минимум по три награды. Не стал исключением и этот год. В августе Алибулатов получил золотую медаль на международной выставке «Агрорусь-2015» в Санкт-Петербурге, а в начале октября на 17-й Всероссийской агропромышленной выставке «Золотая осень – 2015», которая проходила в Москве, – ему вручили две золотых и одну серебряную медаль. Кроме того, хозяйство в очередной раз признали лучшим КФХ России.

– Магомед, как вы считаете, смогут ли фермеры накормить страну и снять с повестки дня вопросы продовольственной безопасности.

– Уверен, что смогут. В условиях продовольственных санкций республиканская программа «Развитие АПК» становится ключевой. На наших глазах идет реальное возрождение сельского хозяйства, для этого выделяются огромные средства, создаются все условия для того чтобы наш труд стал успешным. Нынешнее руководство Дагестана при этом не боится браться за решение проблем, отложенных на «потом». Так, в апреле этого Глава РД Рамазан Гаджимурадович

Абдулатипов сказал о том, что в республике нет четко регламентированных земельных отношений, и поручил правительству подготовить необходимые документы для проведения земельной реформы.

У нас много говорят о том, что земельные проблемы в Дагестане надо решать осторожно, постепенно, чтобы не возникли серьезные земельные конфликты. Ни для кого не секрет, что сегодня в Дагестане свободной земли практически не осталось. У каждого участка имеется хозяин. Ничего страшного в этом нет, если бы не одно обстоятельство. Большинство этих наделов их хозяевами не используются по целевому назначению. Участки эти продают, сдают в аренду, субаренду. Никакой работы на этой земле не ведется. Плодородная почва зарастает бурьяном, а республика не получает огромного количества продукции, которую можно было бы вырастить на этой земле. Проблемы земельных правоотношений неоднократно обсуждались и обсуждаются в правительстве РД, в Народном собрании, Общественной палате, но, увы, единой политики в этом вопросе до сих пор нет.

Мое мнение такое – неиспользованные земли надо у нерадивых хозяев изымать и передавать тем, кто будет на них работать. Желающих связать свою судьбу с сельским хозяйством в Дагестане хватает, именно поэтому земельные конфликты в республике приобретают такую остроту. Народ же, получивший землю в собственность, всегда поддержит твердую позицию государства.

Еще один важный вопрос. Без государственной поддержки в виде льготных кредитов создать конкурентоспособное сельскохозяйственное производство в нынешних условиях невозможно. Я считаю, что необходимо без процедуры предоставления субсидий на полученный кредит (для фермеров это 8,25%) изначально сократить на эту величину процентную ставку. Например, если кредит выдается под 20% выдавать его под 11,75%, исключив из этой цепочки министерство сельского хозяйство, которое сегодня принимает решение о субсидировании кредита. Сегодня же для получения субсидий на кредиты каждый фермер должен собрать кучу справок. Причем, готовит он сразу два пакета документов. Один предоставляется в банк, второй – в министерство сельского хозяйства. Не понимаю, зачем нужен посредник, если банк в любом случае досконально проверяет всю представленную документацию. На мой взгляд, все эти моменты необходимо упростить.

– Этот вопрос часто задают фермеры из многих регионов страны. Как правило, им отвечают, что делается это для того, чтобы поставить дополнительный барьер на пути мошенников, которые, не являясь фермерами, пытаются воспользоваться мерами поддержки государства.

– Согласен, лже-фермеров в стране хватает. Но вычислить их можно намного проще. Достаточно выехать на место, чтобы убедиться в реальном существовании того или иного производства, наличии выделенной земли. Кроме того, всегда можно проверить уплату налогов – на землю, на имущество, на прибыль. Если у фермера есть работники, можно также проверить уплату социального налога. Есть платежи – человек действительно работает, нет – предприятие существует только на бумаге.

Есть у меня и другие идеи на этот счет. Я являлся членом конкурсной комиссии по выделению грантов начинающим фермерам. Практика показывает, что документы на получение грантов подают не только те, кто собирается работать на земле, но и разного рода «деятели». На мой взгляд, поставить заслон на их пути не

очень трудно. Если каждый глава села, глава района будет отвечать за справки, которые подписывает, если списки будущих фермеров будут утверждать общественные советы, ассоциации КФХ районов, где проживает претендент, выступая при этом гарантами создания производства, никаких нарушений не будет, а случайные люди отсеются уже на этапе подготовки документов.

– Если можно, несколько слов о мерах поддержки фермеров. Как известно, в большинстве развитых стран государство дотирует сельскохозяйственное производство, помогая собственным производителям выжить в условиях жесткой продовольственной конкуренции. Расскажите, как поддерживают фермеров в России.

– Ну, во-первых, это субсидии по кредитам, о которых я говорил выше. Государство возмещает сельхозпроизводителям 8,25 процентной ставки. Предусмотрены также субсидии для аграриев по целому ряду позиций. Если не ошибаюсь, их больше тридцати. Это и возмещение части затрат на покупку техники, оборудования, и компенсация затрат на капитальное строительство. Кроме того, субсидируется производство некоторых видов сельхозпродукции. В первую очередь тех, которые страна вынуждена импортировать.

Правда, на мой взгляд, объем этих субсидий явно недостаточен. Кроме того, некоторые позиции почему-то не учитываются при субсидировании. Смотрите. В рамках реализации программы импортозамещения поставлена задача значительно увеличить производство мяса в стране. Между тем субсидии на мясо в мерах поддержки сельскохозяйственного производства не предусмотрены. Или взять молоко. В прошлом году за каждый литр реализованного молока мы получали по 7 рублей. В этом же году субсидии на молоко сократили до 3 рублей. Этого явно недостаточно, особенно для регионов, где по целому ряду причин нельзя обеспечить высокий уровень надоев. К примеру, в наших горах просто невозможно содержать высокопородный молочный скот.

Хочется отметить еще один момент. Наши фермеры часто жалуются на то, что после получения сельхозпроизводителями каких-либо субсидий, к ним сразу же начинают приходить многочисленные проверяющие. Это сильно отвлекает от работы, отнимает много времени.

– Многие серьезные экономисты считают, что большинство проблем сельскохозяйственного производства так или иначе связаны с перекосами логистики – когда разного рода посредники зарабатывают намного больше непосредственно сельхозпроизводителей.

– Проблема эта действительно очень серьезная, поскольку всем работающим на земле приходится самостоятельно искать пути реализации выращенной продукции. Что касается меня, я пришел к выводу, что чем глубже будет переработан мой товар, тем легче мне будет обойти посредников, поскольку появляется возможность выходить сразу на крупных оптовиков или непосредственно на серьезные торговые сети.

– В свое время вы рассказывали мне о планах закупки линии по розливу молока, которая бы позволила вам напрямую работать с торговыми сетями, поскольку опыт реализации козьего молока на махачкалинских рынках для вас оказался неудачным.

– Да, продавцы на махачкалинском рынке начали разбавлять козье молоко коровьим, а то и просто водой из-под крана. И мы решили продавать только фасованную продукцию. Правда, линия, которую мы закупили, оказалась бракованной, и от этой идеи на время

пришлось отказаться. Поэтому практически все козье молоко мы пока перерабатываем в сыры, который сегодня пользуется большим спросом. Кстати, одну из золотых медалей на недавней выставке мы получили за свой козий сыр – брынзу. Но от планов реализации козьего молока я окончательно не отказался. Планируем приобрести и установить три «молокомата» – автомата по продаже сырого молока – на рынке и в супермаркетах. Специалисты утверждают, что молоко в таких автоматах более полезное, это, по существу, парное молоко, только охлажденное. Кроме того, оно будет обходиться покупателю намного дешевле, поскольку при его реализации нам как раз удастся избавиться от услуг посредников при реализации продукции.

– Магомед, чего, на ваш взгляд, не хватает нашим фермерам? Какие «узкие» места вы замечаете в работе своих коллег?

– Я считаю, что современный фермер постоянно должен учиться. Узнавать об изменениях в законодательстве, новых мерах поддержки. В этом плане многие наши сельхозпроизводители не дорабатывают, и поэтому лишаются возможности получить то, что им положено по закону.

Необходимо изучать опыт ведущих производителей отрасли, чтобы в дальнейшем использовать его в своей работе.

– А пример привести можете?

– Пожалуйста. Я работаю в сельском хозяйстве много лет, вроде бы добился неплохих результатов. Тем не менее, я постоянно учусь у своих коллег, потому что пришел к однозначному выводу: в сельском хозяйстве стоять на месте нельзя, иначе останешься на обочине. Даже не выезжая за пределы республики, можно узнать много нового и полезного, изучая и перенимая опыт лучших наших хозяйств. Таких, к примеру, как ЗАО «Дарада-Мурада», КФХ «Нур», КФХ «Бозторгай», КФХ «Архар», СПК «Урицкий», ОАО «Кизлярагрокомплекс», руководители которых внедрили в производство новые достижения науки и техники, создали высокорентабельные производства.

После каждой крупной выставки мы начинаем внедрять у себя что-то новое. Так, на нынешней «Золотой осени» я заинтересовался гидропонными теплицами, позволяющими производить корма для скота в искусственной среде, без почвы. При этом из килограмма зерна всего за неделю можно получить 7-8 килограммов живой массы. Как оказалось, до 80% всех овощей, фруктов, зелени в Израиле выращивается гидропонным способом – это идеальное решение многих проблем для регионов с засушливым климатом. В той же Испании, имеющей самое большое козье стадо в Европе, основная часть кормов для коз выращивается при помощи гидропоники. А поскольку у нас в хозяйстве сделан упор на выращивание дойных коз и откорм скота, гидропоника – это то, что нам просто необходимо. Планируем закупить гидропонные установки и поставить это дело на поток.

На выставке мое внимание также привлекло еще одно очень перспективное направление – производство витаминной травяной муки в гранулах. Опыт показывает, что ее использование значительно сокращает время откорма скота, способствует ощутимому росту привесов и удоев молока. Думаю заняться и этим.

– Кстати, о «Золотой осени». Я читал подробный отчет об этой выставке и увидел, что еще в одной дагестанской золотой медали (а всего республика получила более 20 наград)

присутствует вклад КФХ «Азамат». Я имею в виду «золото», полученное Дагестанским НИИСХ за работу по улучшению породного состава козепоголовья и внедрению современных методов ведения хозяйства. Насколько я знаю, вся эта работа проводилась на базе вашего КФХ?

– Все правильно. С «наукой» мы дружим не первый год, дагестанские ученые активно помогают мне, консультируют, знакомят со всем новым, что происходит в отрасли. Нами подготовлен совместный проект: «Создание инновационной козьей молочной фермы на 2000 голов дойных коз с законченным циклом производства». Именно за этот проект, презентация которого прошла на выставке «Золотая осень», наш НИИСХ был награжден золотой медалью.

В наших ближайших планах – закупка козпроизводителей в Сербии, а также в ОАО «Лукоз Сабо» из Республики Татарстан. Если их акклиматизация в Дагестане пройдет успешно, буду реализовывать молодняк другим фермерам. Мечтаю вырастить в республике конкурентов, ведь конкуренция заставляет активнее работать, искать новые подходы, решать проблемы нестандартно. И в итоге благотворно отражается на бизнесе.

– Несколько лет назад, когда я приезжал к вам в хозяйство, вы показывали мне практически достроенный дом на десять двухкомнатных квартир со всеми удобствами, в которые планировали заселить своих работников. Дом заселен? Вы не пожалели, что вложили эти деньги не в производство, а практически занялись благотворительностью?

– Вы ошибаетесь. Каждая копейка, вложенная в этот дом, потрачена именно на производство. Никакой благотворительности, обыкновенный расчет. Помните, в прошлый раз я вам говорил о том, что со временем семья фермера перестает справляться со все возрастающими объемами работы. И возникает необходимость приглашения работников со стороны. При этом многие знакомые фермеры сетуют на то, что добросовестных работников сегодня днем с огнем не найти, что «наемники» работают спустя рукава. У меня же с этим проблем нет, все мои работники – это мои единомышленники, члены одной общей команды. Кстати, к пониманию того, что работник будет работать с полной отдачей лишь тогда, когда он сам лично будет заинтересован в конечных результатах этой работы, я пришел во время свой работы чабаном. Практика была такая – чем лучше ты работал, тем больше собственного скота тебе разрешали держать в общественном стаде. И это давало прекрасные результаты. Я тоже разрешаю своим работникам держать личный скот, и поэтому они трудятся с полной отдачей. А квартиры – это дополнительный бонус для них, а для меня – уверенность в том, что они останутся со мной на долгие годы.

– Последний вопрос. В прошлом интервью нашему журналу вы с гордостью рассказывали о своих детях. Особенно радовали вас успехи младшего сына – Артура, который на тот момент был уже трехкратным чемпионом мира по восточным единоборствам. Как сложилась его дальнейшая спортивная карьера?

– Замечательно. Артур уже пятикратный чемпион мира, в этом плане обошел старших братьев, которые тоже были прекрасными спортсменами, неоднократно становились чемпионами Дагестана, России и Европы по различным единоборствам. Младшая дочка Зайнаб, окончив с золотой медалью махачкалинскую гимназию № 35, поступила на юридический факультет ДГУ, где, опять же, учится на все «пятерки». Успехи детей нас радуют не меньше, чем успехи КФХ «Азамат». Но главная наша радость – внуки, их у нас сегодня уже пять.

Влада Бесараб

МУСА ОЗДОЕВ. НЕДЕЖУРНЫЙ РАЗГОВОР

К счастью, дежурного интервью накануне юбилея, такого, знаете, когда мэтр с высоты прожитых лет снисходительно поругивает и учит жизни «подрастающее поколение», не получилось. Подведения итогов – тоже. 60 лет – что тут подытоживать (?!) – когда работы невпроворот, а планов еще больше. Впрочем, с ним всегда так – неожиданно, интересно и очень просто. Чванства, гордыни, спеси и высокомерия в Мусе Оздоеве никогда не было и нет. Даром, что заслуженный артист России и даже бывший министр культуры. Зато есть чувство собственного достоинства, честолюбие и упорство, а также бесконечная любовь к профессии и к искусству вообще. И отличное чувство юмора, которое и дает эту удивительную легкость общения.

– Вы – первый и единственный ингуш – артист балета, выпускник Московского академического хореографического училища (ныне – Московская академия хореографии), режиссер-постановщик классического и современного балета. То есть, с одной стороны, вы – ходячее опровержение стереотипа о том, что настоящим кавказским мужчинам в балете не место, а с другой – тот факт, что вы уже 40 лет «первый и единственный», этот же стереотип подтверждает. Почему ингушские, дагестанские, кабардинские и прочие кавказские юноши не идут в балет?

– Потому что профессия артиста – любого, не только балетного, непрестижная и неденежная! Я не верю, что таланты сами пробьются, им надо помогать, их надо оберегать! Не все становятся солистами, конкуренция в этой профессии жесточайшая, но уже по факту все выпускники лучшего в мире хореографического училища – профессионалы, «штучный товар». Во времена СССР им была гарантирована стабильная работа, неплохая зарплата, а со временем и какие-то преференции в виде квартиры, звания. Сейчас таких гарантий нет. Более того, позволить себе учить ребенка в Москве или Петербурге может далеко не каждая семья. И даже если может, то сто раз подумает, потому что его безопасность уже никто не гарантирует. Когда я учился, то воспитатели не просто следили за нами, они душу в нас вкладывали! Мы никогда не думали о том, кто какой национальности, кто откуда приехал, из какой семьи. И уж тем более не было всяких этих… ну… намеков про не ту ориентацию. Может, в Большом театре или еще где-то оно и было, но нас, детей, оберегали от всякой грязи.

– То есть, ваши родители отправили вас в Москву учиться со спокойным сердцем, и были уверены, что их сына ждет блестящее сценическое будущее?

– Все было намного проще. В столице Чечено-Ингушетии – Грозном, решили создать

музыкальный театр, из Москвы приехала комиссия, чтобы набрать группу из 20 детей и отправить их учиться, пока строилось здание театра. Мы жили в Назрани, нас семеро у родителей, ни о какой сценической карьере для меня или кого-то из моих братьев и сестер родители не мечтали. Я ведь родился в Казахстане, в селе Урицкое Кустанайской области, где мои родители были в ссылке, как и все ингуши. Мне было два года, когда мы вернулись в Ингушетию, но не в родное село. В Казахстане отец работал комбайнером, накопленных денег хватило, чтобы купить домик в Назрани, где наша семья и осела. В интернат, где я учился, приехала эта самая комиссия, я и не понял, что это был за конкурс; говорят, встань так, повернись эдак, подними руки – я все сделал, прошел отбор и поехал учиться в Московское академическое хореографическое училище при Большом театре. Это было в 1968 году. Мы учились по ускоренной программе – шесть лет вместо восьми. Родители думали, что я буду учиться танцам Махмуда Эсамбаева. Сам факт того, что я прошел отбор и еду в Москву, был очень престижным, они мной гордились. И сам я далеко не сразу осознал, какой шанс мне выпал. Поначалу нам было неинтересно на спектаклях в Большом. Я с трудом представлял себе, зачем я здесь нахожусь, хотя учился неплохо, очень старался. Нам, детям 10-12 лет, оторванным от семьи, от привычной среды, многое было чуждо, на спектаклях в Большом поначалу было дико видеть, как нам казалось, раздетых балерин. И вот здесь было очень важно общее воспитание, которое нам давали, то, как нам прививали интерес к литературе, искусству, знакомили с мировой культурой. Я до сих пор благодарен своим воспитателям, я их всех помню!

Владикавказ. 80-е гг.

Настоящий интерес к профессии ко мне пришел года за два до выпуска. Но не при виде спектакля – то же «Лебединое озеро» не вызывало абсолютно никакого пиетета, – а на открытых уроках в Большом театре, куда нас водили. Тогда блистал Васильев, Владимиров, приезжал из Ленинграда Барышников. Исходя из исполнителей, мне уже стали нравиться и спектакли – «Ромео и Джульетта», например, с Тибальдом–Ермолаевым, очень мощным, экспрессивным. Потом нас, детей, постепенно стали выводить на сцену в массовке, в том же «Щелкунчике». Помню, как впервые увидел Баланчина в 1972 году... Тогда я осознал, что хочу танцевать, что это мое. Хотя после 8 класса, приехав на каникулы, я сказал отцу, что не хочу возвращаться. Родители не очень понимали мою будущую профессию. Как-то по телевизору показывали «Спартак», я сказал родителям: «Смотрите, я тоже буду так танцевать!», – но они мне не очень-то поверили, они представить не могли, что туда, на сцену, в этот волшебный мир, можно попасть. Отец долго думал, возвращаться мне в училище или нет, в итоге решили, что мне надо доучиться последний год, а дальше самому определиться. 10 сентября я уехал. Сейчас я понимаю, что это был переломный момент в моей жизни.

– Родители видели вас на сцене? И почему вы не вернулись в Грозный, ведь как поступивший по национальной квоте, вы были обязаны отработать там по распределению?

– Из 20 человек, которых послали учиться, выпустились всего трое. Странно, что чиновники не учли такой момент, ведь никогда не бывает, что 20 человек поступили – и все 20 окончили. И дело не в том, что ребята не хотели учиться. В балете жесткие стандарты, в подростковом возрасте, когда идет половое созревание, формируется конституция тела – многие из тех, кто при поступлении имел прекрасные данные, увы, отсеиваются. Из 10 девушек до выпуска не дошел

никто. У кавказских женщин от природы совершенно не балетный тип фигуры. И вот мы – я и два чеченца – вернулись со своими направлениями в Грозный, где нам сказали, что театра нет и работы, соответственно, тоже, но мы можем танцевать в ансамбле «Вайнах». Народные танцы меня тогда не привлекали, поэтому я получил «вольную» и уехал в Кишиневский театр оперы и балета. Туда приехало 20 человек с нашего курса, и мы сразу влились в труппу. Опять же – никакого национального деления не было! Мы все приехали как профессионалы, нам давали ведущие роли, мы активно гастролировали, были и в Москве. Да, провинциальный кишиневский театр мог выезжать на гастроли в столицу. Мы могли танцевать на сцене Большого театра! Это так важно для профессионального роста, жаль, что моим ребятам сейчас это недоступно. После таких гастролей в 1976-м меня пригласили солистом в театр оперы и балета в Баку. Театр считался довольно сильным, к тому же это было близко к дому, и я согласился. Сначала все складывалось хорошо, мне стали давать роли, я удачно сделал па-де-де из «Жизели», а потом произошел конфликт с ведущим солистом, который сказал руководству: «Или я – или Оздоев». Театр готовился к большим гастролям, на нем держался весь репертуар, поэтому уйти пришлось мне. В армию.

Пермь. 90-е гг.

– Как в армию?! Я думала, что уж выпускники училища при Большом театре от армии освобождались! Два года в сапогах – это конец профессии!

– Сначала я получил бронь, но потом ее отобрали. Меня звал на работу Тбилисский театр – они видели «Жизель», но когда я остался без брони с повесткой на руках, они ничего не могли сделать. Я прошел отбор в ансамбль Бакинского округа ПВО и отправился служить, из Тбилиси мне обещали прислать вызов. Но уже учебка закончилась, присяга прошла, а вызова все не было. Меня отправили на остров на Каспии – в хорошую погоду оттуда были видны огни Баку. Но хорошая погода там была редко. Я бы так и ждал там вызова все два года, если бы не счастливый случай: среди солдат оказался бакинец, который тоже прошел отбор в ансамбль. А он был из очень интеллигентной уважаемой семьи, его отец – крупный ученый, имел большие связи, вот он и замолвил за меня словечко. И отправили нас обоих в ансамбль. Это была совсем другая жизнь! Почти вольная, мы даже могли выходить в город. С ансамблем я объездил весь юг СССР! Он гастролировал чаще, чем любой театр, где я работал. Мы выступали в солдатских клубах, а то и в казармах. Я до сих пор считаю, что солдаты – самые благодарные зрители! После армии я решил уйти из балета и поехал поступать на юрфак МГУ.

– Ничего себе поворот! А вообще, если бы не сложилось с балетом, кем бы вы стали?

– Я почти отлично учился по всем предметам, но больше всего мне нравилась математика и вообще точные науки. По алгебре и геометрии у меня никогда не было даже текущих «троек». Кстати, геометрия и хорошее пространственное мышление мне очень пригодились, когда я стал постановщиком – я вижу «рисунок» танца. Будучи в армии, я окончил вечернюю школу, так что у меня был не только диплом о среднем профессиональном образовании из училища, но и обычный аттестат. Я объявил родителям, что ухожу из балета, и поехал поступать в МГУ. И на собеседовании секретарь приемной комиссии, а

потом и профессор стали меня уговаривать забрать документы. Они говорили, что у меня такая редкая, уникальная, интересная профессия, что моя артистическая карьера еще впереди, а юриспруденция – это скучные бумажки, которые, если мне так уж хочется, могу начать перебирать уже после того, как уйду на пенсию в балете. В общем, я их послушался и уехал работать во Владикавказский театр.

– Спасибо профессору-юристу из МГУ! Когда исполнительская карьера складывается удачно, не все артисты могут поймать тот момент, когда надо уходить со сцены, понять, что уходить нужно именно сейчас, на взлете. Вам тяжело было расставаться со сценой, как вы преодолевали трудности переходного периода?

– Так получилось, что, где бы я ни работал, я танцевал ведущие партии. Я стремился выбиться, быть лучшим, чтобы меня оценили не только в театре, но и в моем народе. В 1992 году во время осетино-ингушского конфликта была разграблена моя квартира во Владикавказе. По сути, я потерял все, что заработал за 20 лет, но я был настолько погружен в работу, находился в таком творческом запале, что почти безболезненно пережил это. Единственное, о чем жалею до сих пор, так это о пропавшей библиотеке. Книги я привозил отовсюду, там были и прекрасные современные издания, и антикварная литература – всего 6000 томов. Но в любом случае, это восполнимая потеря. Главное, что с моими родными ничего не случилось, это ведь было страшное время. Нам просто повезло, что мы тогда находились в Перми. «Пермский период» моей жизни был очень плодотворным. Публика ходила в театр «на Оздоева». В 1993 году я стал лауреатом Парижского международного конкурса джазового, современного и классического танца им. Волинина, в 1996 – получил звание заслуженного артиста России. А в 1997 я последний раз вышел на сцену как исполнитель на своем прощальном творческом вечере. Было мучительно понимать, что пора уходить, когда тело еще танцует. Отвлекся за счет того, что стал много работать как постановщик, появился спрос на меня в этом качестве. Первые постановочные опыты у меня были еще в Осетии, их увидела Галина Шаховская – выдающаяся советская танцовщица и хореограф, и посоветовала мне поступать в ГИТИС, что я и сделал. За 1996–2000 гг. я поставил в театре «Камерный балет», директором и художественным руководителем которого был, несколько спектаклей, в том числе «Болеро» Равеля, 14 шоу-программ. Это было время поисков. Я люблю синтезировать: работал с драматическим театром, цирком, театром моды. Я не боюсь поставить драматический спектакль или написать либретто, я знаю, как это нужно сделать. Тогда же, в «пермский период» моей жизни, была возможность поработать за границей. Приглашали в Германию. Я уже собрался ехать, причем не столько из-за материальной выгоды, сколько для того, чтобы получить какую-то творческую подпитку. Но тут Руслан Аушев предложил мне стать министром культуры Ингушетии, то есть появилась возможность поработать на родине, принести пользу своему народу. Так начался мой «чиновничий период».

Сцена из «Солнечного диска». 2006 г.

– И как вам с вашей неутомимостью, жаждой деятельности, творческими амбициями, работалось в министерском кабинете?

– А я не сидел в кабинете! Я пытался пробудить театры, ездил по школам, отбирал одаренных детей, чтобы послать их учиться, занимался ансамблями. Поставил под открытым небом, у старинных башен спектакль «Посвящение в мужчины» по народным легендам и сказаниям. Когда я еще танцевал, у меня было желание сделать что-нибудь кавказское, соединяющее в себе национальную, современную и академическую хореографию, народную музыку. Поэтому я так ухватился за предложение поработать в Дагестане, здесь у меня появилась возможность осуществить давний замысел.

– В Дагестане вы уже 12 лет: все началось в 2003 с приглашения поставить балет «Горянка» к юбилею Расула Гамзатова, потом было еще несколько удачных постановок в разных театрах, ваш «Солнечный диск» в Лакском я помню до сих пор. Последние 9 лет вы руководите балетной труппой Дагестанского театра оперы и балета, преподаете в Колледже культуры, то есть осели в Махачкале довольно плотно. Вы вообще планировали тут остаться, принимая первое приглашение 12 лет назад? Вам интересно здесь работать?

– Я начинал с большим запалом, мне интересно было работать на перспективу, я действительно думал, что смогу создать кавказский балет и вывести его на большую сцену – как минимум общероссийскую. Сделать один хороший спектакль несложно, когда на него дают деньги, собирают людей, подтягивают все ресурсы. Так было с «Горянкой», потому что это был юбилей Гамзатова. Создать балетный репертуар театра практически с нуля – задача иного порядка.

– Но вы ее решили! Из обычных мальчиков и девочек, которые просто любили танцевать, вы вырастили настоящих артистов, публика ходит на спектакли Оздоева, а что дальше?

– А дальше, как я надеялся, будет поддержка руководства республики в том, чтобы коллектив мог гастролировать, чтобы талантливых детей посылали учиться, а молодым артистам платили за их труд хорошие деньги. Выходя из театра, артист должен нести себя с достоинством, а не бегать в поисках халтуры, чтобы детям одежду к зиме купить. Это я не преувеличиваю, а рассказываю про жизнь своих артистов. Но самое обидное то, что, когда нужно выступать на мероприятиях в республике, – нас срочно мобилизуют, и мы выкладываемся по полной. А когда организуется выступление такого же уровня, скажем, в Москве, участвовать в нем приглашают столичных артистов. Это же несправедливо! Ведь и наши ребята – профессионалы! И они это доказали, выступив, например, на Днях Ингушетии в Москве.

– А ингушские артисты не обиделись, что позвали дагестанцев?

– В Ингушетии нет артистов балета, нет такого театра, поэтому мы никого не обидели. То выступление солистов Дагестанского театра оперы и балета было высоко оценено руководством Республики Ингушетия: четверо ребят получили звания заслуженных артистов Ингушетии.

– Да, со званиями тогда весело получилось, очень это было неожиданно для нашего министерства культуры.

– Главное, что ребята получили то, что заслужили. Надо давать звания молодым, это вдохновляет, подстегивает. Когда я приехал, многие говорили, зачем ты так стараешься, нервничаешь, суетишься, все равно ведь уедешь. Да, я мог в Пермь вернуться, еще куда-то поехать работать в театр с четкой иерархией, сложившимся репертуаром.

Но хотелось быть ближе к дому. С Дагестанским театром оперы и балета пройден большой путь, я поставил здесь 11 спектаклей, 9 из них сейчас в репертуаре. А всего за эти годы я участвовал в работе над 26 постановками в разных театрах Дагестана. Так что я здесь действительно плотно осел, корни пустил, можно сказать (смеется). Сейчас я бы уже не взялся за такую работу.

– Потому что 60 лет – солидный возраст? Вас эта цифра вообще пугает?

– Нет, не пугает, я никогда не следил за возрастом. Дни рождения не люблю, считаю, что люди должны встречаться, когда им интересно, а не раз в году. Зачем думать о возрасте, работать надо, детей воспитывать.

– Кстати о детях, которых у вас, насколько мне известно, четверо. Кто-нибудь из них занимается искусством?

– Старшая из дочерей окончила музыкальную школу при Санкт-Петербургской консерватории. Сейчас учится в Институте искусств в Нальчике, уже понятно, что музыка – ее профессия. Она пианистка и гобоистка. А сыновья от искусства далеки: старший работает юристом в Москве, заканчивает аспирантуру в Плехановском институте, младший – студент-экономист. Кем бы ни стали мои дети, главное, чтобы они занимались любимым делом. Конечно, мне было бы приятно видеть их в искусстве, но тут все зависит не от моего и даже не от их желания, а от природы. В Перми можно было отдать сына в хореографическое училище, но я видел, что у него нет данных. Это самое страшное, когда человек ломает себя, мне бы не хотелось, чтобы это случилось с моими детьми. Младшей дочери 12 лет, профессию она еще не выбрала, ей пока интересно все и сразу.

– Вашу семью можно назвать традиционной ингушской семьей, дети, например, знают ингушский язык?

– Да, конечно, все знают и язык, и историю своего народа. Я сам воспитан на русской культуре, за что еще раз спасибо моим педагогам, но горжусь тем, что я ингуш. У нас современная российская семья, мы стараемся дать детям хорошее образование, знакомим с лучшими достижениями мировой культуры, не забывая при этом о культуре нашего маленького народа.

– Какие премьеры ждут нас в этом сезоне, что вы подарите себе и своим зрителям? Кстати, в последние годы публика стала намного активнее к вам ходить, поздравляю!

– Да, публика наконец-то пошла, и это при совершенно ничтожной рекламе! Раньше хотя бы афиши по городу висели, а сейчас только баннер у театра. И каждый раз находятся люди, которые после спектакля говорят: «А мы и не знали, что у нас есть такой театр», – обидно, ведь театру почти 20 лет! Сейчас в работе два одноактных балета: уже репетируем «Тамару», отдавая дань Лермонтову и Баланчину; и приступаем к хореографической драме на музыку Магомеда Гусейнова под рабочим названием «Просветление». Проблем много и главная, как всегда, кадры: в этом сезоне балетная труппа лишается сразу восьми артистов. Несколько девочек уходят в декрет – это просто катастрофа какая-то! (смеется) Раньше было наоборот – мальчиков не хватало. Да и сейчас вот некоторые ребята уволились, другие сообщили, что уйдут после Нового года. Опять же, повторю, удержать их в театре можно, если платить хорошую зарплату. Балет – высокое искусство, требующее больших вложений, без постоянного государственного внимания и поддержки нам не выжить.

Светлана Анохина

НАПИСАННОМУ ВЕРИТЬ

(Наш журнал продолжает публикацию фрагментов из разных интервью, в которых речь идет о Стране, Эпохе и Судьбе. Начало в № 1-10 за 2015 г.)

* * *

В послевоенные годы с частниками боролись, и продавать ничего не разрешали. Как-то иду я, все продала, один хлеб всего остался. Тут милиционер увидел меня и подзывает к себе. Я дала деру, а он за мной. А я домой бегу, где спрятаться можно. Подбегаю, а отец у ворот сидит. Милиционер у него спрашивает: «Это ваша?» Отец говорит: «Нет, она не моя. Я ее не знаю, заберите ее». Я тогда очень удивилась и обиделась на отца, намного позже только догадалась, почему отец солгал. Дома ведь тандыр-хлеб пекли, тесто готовили. Если бы милиционер это увидел, их всех забрали бы. А так забрали только меня.

Привели меня в горотдел с этим одним хлебом. В одном кабинете милиционер меня спрашивает: «Тебя за что поймали?» Я говорю, за один хлеб. Он говорит: «Да съешь ты его!» Потом повели в другой кабинет. Там милиционер говорит: «Половину хлеба съешь, другую половину мне продай. Деньги на улице дам». Я сделала, как он сказал, – половину съела, половину продала ему. Теперь меня зовут обратно, в первый кабинет. Там уже третий милионер спрашивает, за что меня поймали? Я ему честно рассказала, что сделала так, как мне второй сказал. А второй услышал и разозлился: «Убирайся, – говорит, – отсюда, а то хуже будет!» Я выскочила из горотдела и побрела в сторону дома, но тут на меня такая усталость навалилась, что я до угла только дошла, прислонилась к стене и уснула. Один человек меня нашел случайно, мимо проходил и увидел меня, спящую прямо на тротуаре. Подошел, разбудил: «Доченька, – говорит, – вставай, тебя ищут. Иди домой».

* * *

Когда мне лет 17 исполнилось, отец меня отдал замуж. Тогда девушек не спрашивали: за кого родители хотели, – отдавали. Я работала швеей на фабрике «Динамо». Как-то меня из цеха вызывают на улицу. Выхожу, там две женщины. Посмотрели на меня и говорят: «Скажи родителям, вечером придем». Я отцу говорю об этом, а он отвечает: «Моя дочка, я сам знаю, кому отдать». И отказал этим людям. Еще молодой парень сватался, табасаранец, но отец сказал: «Зачем мне табасаранец нужен, род свой сожгу. Пусть лучше свой будет».

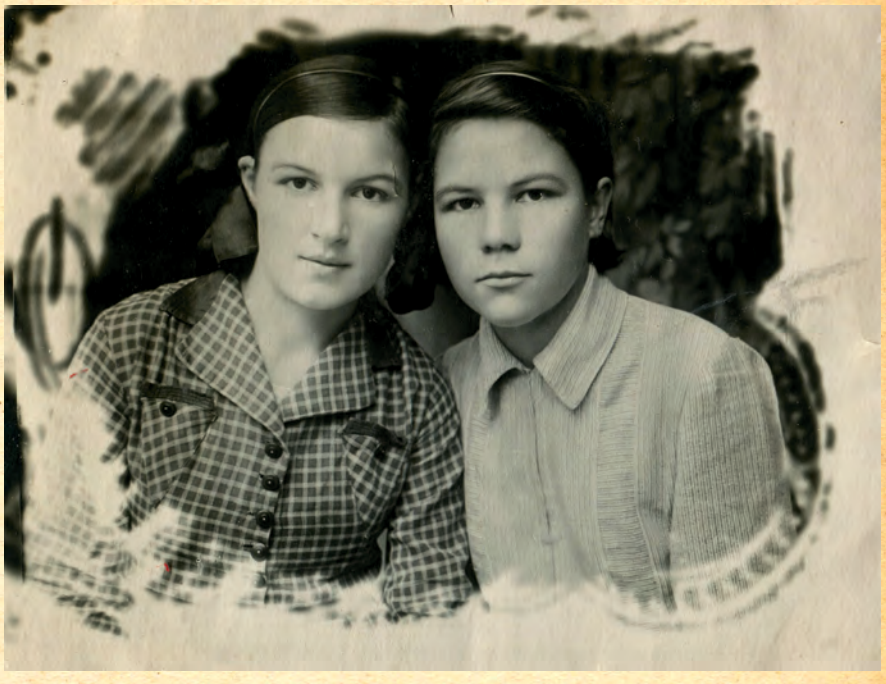
Муж мой, Меджид его звали, был почти на 30 лет старше меня – 1908-го года рождения. Я прожила с ним 12 лет, и это было сплошное мучение. Я много раз убегала от него домой, но отец возвращал меня обратно. Муж заставил меня работать с ним в Заготскоте, он в охране там работал. Приходилось с палкой в руках ходить и кричать: «Хол-хе, хол-хе!», чтобы баранов от коров отделить и в вагоны их загнать. Однажды даже пришлось в Баку вдвоем со старой женщиной везти скот в товарном вагоне.

Как-то я уже не выдержала и ушла. Пыталась мебель, которую отец в приданое дал, забрать, хотя бы кровать, но муж устроил мне такую взбучку, не выпускал меня из дому, что я сказала: пусть и кровать тебе останется, только не бей и отпусти.

* * *

Меня замуж выдали в 15, как невесту привели в дом, оставили в комнате, и все ушли. Во дворе свадьба идет, а я одна сижу. Муж заходит – выходит, заходит – выходит. Не было такого, как сейчас, чтобы молодые вместе сидели. Потом свадьба закончилась, он пришел ко мне, ложится рядом, а я не пускаю, потому что мама мне говорила всегда, когда он за мной еще ухаживал и гулять водил, мол, смотри, чтоб он тебя не трогал. И вот он подошел, а я говорю: «Не трогай меня. Мама так сказала». Он мне говорит: «раздевайся», а я ему: «Веди меня домой, не буду раздеваться». Он мне говорит: «Твой дом теперь здесь. К маме потом пойдешь». И все равно я его к себе не пускала: он заходил, я выгоняла – маленькая была еще, не понимала ничего. Потом мама пришла, говорит через окно: «Сара, так надо, платье снимай, снимай штаны». Я кричу: «Мама, ты что? Штаны тоже снимать?»

* * *



Была у нас одна соседка, такая скандалистка, не было от нее покоя – не ходить туда, не ходить сюда, вечно всем замечание делала. Если с азербайджанского перевести, это так звучало: «Ходите тут, как маркушинские коровы». То есть, как коровы какого-то Маркуша, который у них в селе жил. Муж у нее был фронтовик, они сельские были, из Азербайджана переехали. А мой младший брат Мевлюд, когда был совсем маленький, сильно кусался, если его кто-то поймает. Не бил, а кусался, чуть не до кости. Как-то у нее с ним конфликт произошел, он ее укусил, и я пошел за брата заступиться, ну, и толкнул ее. А она в обморок упала. Потом за мной толпа гонялась, и заставляла меня руки в банке сполоснуть, чтобы она потом воду из нее выпила и в себя пришла. Это примета такая есть. А я убегаю и говорю: не буду я руки мыть, пускай умирает.

* * *

В одной из квартир в нашем дворе жила директор музыкальной школы Лариса Семеновна Литвинова, с которой дружила моя тетя. Ее папа был директор Маслопрома, европейский еврей Семен Львович Барнбойм, а мама – русская, Прасковья – тетя Паша, как ее все звали. Семен Львович очень не любил Берия, считал его виноватым во всех бедах, а Сталина – хорошим. У Семена Львовича хранилась кипа старых журналов «Огонек», вышедших еще до 53-го года, и во всех номерах все фотографии Берия были им собственноручно густо заштрихованы. Как сейчас вижу эту картину: на лавочке под тутовым деревом сидит Семен Львович с этими своими журналами и ведет беседы на политические темы с другим нашим соседом – дядей Хизгией.

* * *

Это сейчас наш парк открытый и хорошо просматривается, а раньше там было любимое место всяких проходимцев. Играли на деньги мужчины всех национальностей и возрастов, а карточный долг считался святым, его нельзя было не оплачивать. Мне рассказывали один случай. Пришел играть мужчина с квартала Муьлк Хочи. Проигрался в пух и прах – и одежду, и часы золотые, и перстень, все отдал. Остался в трусах и майке и пешком в таком виде пошел домой. Дошел до дома, взял деньги, оделся и зашагал через полгорода обратно, отыгрываться. Такой азартный был, не мог остановиться. По-еврейски это «комор» называется.

* * *

Однажды нас отпустили с работы и отправили на вокзал. Это было, когда Хрущев из Баку поездом ехал и решил остановку в Дербенте сделать и выйти на перрон. На перроне и вокруг вокзала творился страшный беспорядок. Когда Хрущев вышел в тамбур, в него из толпы полетела селедка, это я своими глазами видел. Кричали все. Потом, когда толпа рассосалась, и перрон опустел, оказалось, что многие женщины в толкотне юбки потеряли, и все смеялись.

* * *

Мачеха меня за горохом посылала – тогда в огородах у всех он рос. Я ходила по дворам и спрашивала: «Нохут ким давар?». Иногда до самой Сабнавы доходила. Покупала, сеяла, мыла, варила, относила продавать, деньги мачехе приносила. Она же мне ни копейки не давала с этих денег. Как-то одна женщина продала мне горох с мусором. Только я это увидела, когда домой пришла. Поняла – мачеха узнает, заругает. Быстро его просеяла, мусор во дворе закопала, а гороха все равно вышло мало; и мне влетело – денег-то от его продажи я выручила меньше обычного.

* * *

Часто к папе в гости из Баку приезжали композитор Гаджи Ханмагомедов, поэт Алиага Вахид. Папин друг Рамазан приносил тар, а другой папин друг, Хусейн, пел. Могли просто так собраться, без повода. Когда они приезжали, мама уже в дом не заходила, была во дворе, а я сидела в каком-нибудь углу или под столом и слушала. А мне петь не разрешали, даже при двоюродном брате, с которым мы росли в одном доме. Бывало, я во дворе что-то делаю и напеваю, а мама ворчит: «Молчи! Голос девушки ни брат, ни отец, ни дядя – никто не должен слышать!»

Записала Анна Гаджиева

(Продолжение следует)

Магомед-Расул

Аллах все видит

(Отрывки из повести)

Повесть о трагической любви юных подруг Култум и Анфисы, выросших в разных условиях жизни. Лейтмотив произведения – оскудение личности, выражающееся в разладе человека с окружающей средой и в частности – животным и растительным миром.

Особенность повести в том, что ее можно читать выборочно: с начала, середины или с конца – повесть состоит из самостоятельных глав-рассказов, объединенных общей идеей возрождения в человеке его исконно природных качеств.

(Продолжение. Начало в № 12 за 2014 г. и № 1–10 за 2015 г.)

ВНУЧКА ТЕТИ ХАЛАБЫ

Три месяца и тринадцать дней работал Максуд над ожерельем для дочери тети Халабы Кумсии, живущей в городе Сочи. Бусины ожерелья из серебра и переливчатой эмали напоминали стилизованные головки орнаментов в виде шиповника янтарного цвета, кизила – красного, крыжовника – зеленого, ежевики – темно-синего, облепихи – лимонного, боярышника – оранжевого… Все дышало духом аула и его окрестных лесов.

Мастера аула – кто великодушно радуясь, кто, с трудом подавляя в себе чувство зависти, в шутливой форме, – поздравляли Максуда, и он невольно пополнил ряд неподражаемых талантов.

Пригласив к себе тетю Халабу, он выложил ожерелье на планшет и связался по скайпу с Кумсией. Она пришла в дикий восторг от работы мастера и пригласила его вместе с матерью в Сочи, взяв все расходы на себя.

Когда тетя Халаба и Максуд выезжали из аула, в горах еще снег лежал по колено, а в Сочи уже пахло весной. От яркого солнца рябило в глазах, но оно плохо грело – было свежо и прохладно. На оголенных деревьях, тронутых почками, шумно перекликались грачи и вороны, беспечно роняя белый помет на тротуар, а то и на прохожих… Вездесущие воробьи шумно шныряли между снующими людьми, ловко выныривая из-под рук и из-под ног горожан…

Городу, несмотря на примечательную садово-парковую архитектуру и причудливые, доселе невиданные ею, здания, тетя Халаба не придала особого значения, – наверное, потому, что она была под впечатлением общего признака, присущего городам: массы разношерстных, суетящихся людей, которыми переполнены улицы.

– Везде один и тот же ажуж-мажуж! – проворчала тетя Халаба, которая не могла привыкнуть к людскому хаосу.

Дочь ее Кумсия оказалась весьма гостеприимным и жизнерадостным человеком. Она была такой же высокой, как и мать, и с такими же маленькими ореховыми глазами, но на гладком светлом лице, обрамленном густыми черными волосами. Удивили Максуда ее литые стройные ноги, выглядывавшие из-под лилового платья на два вершка выше округлых колен. Он чувствовал себя неловко оттого, что они так соблазнительно привлекали к себе его внимание… Охватил страх: вдруг его взгляд перехватит ее муж Саркисян или тетя Халаба – что подумают они о нем?! Он решил больше не обращать внимания на ее ноги.

Муж Кумсии был человек среднего роста и приятной внешности. На фоне плотно подогнанного к телу серебристо-серого дорогого

костюма и ярко-красного широкого галстука его большая шевелюра, черные кустистые брови, из-под которых лукаво искрились темно-карие веселые глаза, свидетельствовали о нем как о человеке общительном и бизнесмене, знающем себе цену. Он был уважаемым в городе человеком, душою дружеских компаний. Его «Ресторан «Ереван», но не для армян» и под такими же ироничными вывесками три кафе жены «Дагестан: чуду-муду», «Дагестан: хинкал-минкал» и «Дагестан: шашлык-машлык» в разных частях города пользовались повышенным интересом у горожан и приезжих и приносили немалые доходы. Семья не утруждала себя домашней едой: то обедала в ресторане или кафе, то обеды доставлялись домой…

В духе времени воспитывали они и свою двенадцатилетнюю дочь Кумсионару. С детских лет за ней закреплена нянька-воспитательница, владеющая английским и французским языками. Учится в лицее, ходит на гимнастику, занимается (правда, из-под палки!) музыкой. Имя необычное ей дал отец, любящий во всем быть оригинальным.

В Кумсионаре бурлила армяно-дагестанская кровь. Девчонка отличалась неписаной красотой: на молочно-белом личике широко раскрытые темно-карие отцовские глаза подстрекательски манили к себе: давай, мол, куражиться…

Обратив внимание на необычный наряд (стеганый вишневый кафтан и белый маркизетовый платок, вышитый золотыми нитками) бабушки, Кумсионара тут же учинила ей допрос.

– Бабуль, ты где купила такой платок?

– Я не покупала его, внученька.

– Подарили?

– Да, мама. Перед свадьбой моей.

– У-у-у… Когда это было?

– Когда было? Дай-ка подумать. Кажется, лет семьдесят, а то и восемьдесят назад…

– Ты так постарела, а платок почему как новый?

– Я его редко ношу. На свадьбах и в дни праздника.

– Твой приезд к нам – праздник для тебя, да?

– Один из самых больших праздников, внученька моя. Самых больших…

– А хочешь, чтобы каждый день у тебя был праздник?

– Кто не хочет такого, внученька?

– Тогда останься у нас насовсем!

– Спасибо, моя милая. Спасибо. Дома меня корова с теленком ждут. Куры с петухом будут скучать…

– У тебя сколько петухов?

– Один.

– А куриц?

– Семеро.

– Почему?

– Как тебе проще объяснить? Во-первых, петухи не могут дружить между собой. Во-вторых, они не носят яичек, чтобы их много держать.

– А в-третьих, у каждого петуха свой гарем. Поэтому?!

– Астапируллах! Астапируллах! Тебе откуда знать о таком?

– Откроешь Интернет – все будешь знать, бабуль!

САМОВАР

– И сколько стоит такое чудо? – спросил Саркисян, надев ожерелье на шею жены и продолжая любоваться.

– Нисколько, – пожал плечами Максуд.

– Как это так?

– Вы – как хотите, но я не могу ставить вам свои условия.

– Почему?

– Я жизнью своей обязан тете Халабе.

– Но не тетя Халаба заказывала его, а моя Кумсия!

– Кумсия ваша не имеет никакого отношения к тете Халабе? – все отшучивался Максуд.

Так и не добившись ответа от Максуда, Саркисян принял соломоново решение: повел мастера в ломбард к ценителю раритетов. По тому, как загорелись глаза хозяина ломбарда, Максуд понял, что вещь произвела на него волнующее впечатление. Перехватив взгляд Максуда, хозяин сделал каменное лицо: специфика работы приучила его скрывать свои эмоции от клиентов. Перекладывая ожерелье из руки в руку, взвешивая на ладони и рассматривая с разных сторон, наконец он скептически улыбнулся: и не такое, мол, видал я на своем веку! Довольно точно на глаз (без весов) определил, сколько граммов и какой пробы серебро использовано,

какой самобытностью отличается эмаль. Максуд ушам своим не поверил, когда хозяин небрежно бросил ожерелье перед Саркисяном и брякнул:

– Десять тысяч долларов – и ни копейкой больше!

Саркисян, и глазом не моргнув, вручил мастеру названную сумму.

Максуд еще никогда не чувствовал себя таким счастливым: он был не только при деньгах, но и получил новые заказы от Кумсии и ее подруг.

Он купил отцу и себе дорогие костюмы вишневого – любимого отцовского! – цвета. Это был его первый подарок отцу, и ему приятно было думать об этом.

Мачеху он терпеть не мог, но из уважения к отцу, купил ей панбархат, посоветовавшись с тетей Халабой, которая сказала: «Хочет – пусть сошьет себе платье, не хочет – подарит другим».

Мысли о подарке для Култум надоумили Максуда вспомнить о двоюродной сестре Кизтаман, к которой он был не очень благорасположен. Он купил им одинаковые французские духи и был рад этому, поскольку передача духов Култум через сестру не вызовет у аульчан кривотолков, какие могли бы быть, если бы он преподнес ей духи сам.

Подарок для тети Халабы оказался самой сложной задачей для Максуда. Как найти что-нибудь такое, что пришлось бы ей по душе?

Он мотался по магазинам города и, возвращаясь домой, валился с ног. Кумсия и Саркисян то и дело спрашивали, чем он так озадачен, не смогут ли они помочь ему, на что он отвечал: «Спасибо. Ничего особо и не нужно. За доллары и у нас в ауле что угодно можно купить. Просто бегаю по магазинам, как мальчишка, которому все нравится, но не знает, что купить. Когда еще у меня такая возможность появится?»

Объяснение показалось убедительным, и они оставили его в покое.

В один из дней, когда опять, не найдя ничего заслуживающего внимания тети Халабы, в расстроенных чувствах возвращался домой, в каком-то закоулке он наткнулся на антикварный магазин. Каких только котлов и кувшинов, тарелок и ваз и других предметов домашнего обихода не было здесь! Внимание Максуда привлек сверкающий желтыми лучами самовар. Он вспомнил, как еще несколько лет назад у тети Халабы пропал дедовский самовар, стоящий во дворе под навесом, вокруг которого охотно собирались старухи аула и за чаепитием коротали время, предаваясь воспоминаниям далекой старины. Какому-то крохобору понадобилось увезти самовар в город и сдать на металлолом. Тетя Халаба до сих пор сокрушается о самоваре, как о потерянном члене семьи, но с присущим ей юмором продолжает шутить:

– Лишь бы тарум мой не украли, а то вокруг чего нам еще собираться?

Хозяин антикварного магазина – щупленький старичок в черной широкополой шляпе с седой причесанной бородой-метлой и маленькими пронзительными глазами, цвет которых невозможно было определить, – глянув на Максуда, увидел в нем потенциального покупателя и расположился к нему по-отечески тепло.

– Он что – электрический? – спросил Максуд, разглядывая самовар.

– Что ни на есть самый е-лек-три-ческий! – с удовольствием ответил хозяин, предвкушая выгодную сделку.

– Мне бы старенький самовар, чтоб можно было дровами-углями…

Не дав ему договорить, старик почтительно взял Максуда за локоть и повел в другую комнату, в которой среди мыслимых и немыслимых предметов старины притаился замызганный самовар средних размеров.

– Он в рабочем состоянии? – спросил Максуд, все еще не веря в такую удачу.

– Мы не металлолом продаем, молодой человек. Можете в любое время вернуть, – обиженным тоном сказал старик и нарочно отошел, надвинув широкополую шляпу набекрень, что обычно делал, когда предвкушал успех дела. По блеску агатовых глаз Максуда старик понял, что товар можно выгодно продать, но сделал вид, что ему безразлично, купит он его или нет, а в уме к предполагаемой первоначальной стоимости сто долларов прибавил еще тридцать. Если по чести, самовар давно занимал лишнее место, и хозяин не прочь был задаром избавиться от него, но придерживался золотого правила: к терпеливому награда сама идет в руки…

Щупая дрожащими руками заветный самовар, Максуд думал о том, как бы упаковать его, чтобы

до приезда в аул ни тетя Халаба и никто другой не догадался, что он везет. Тогда это явится настоящим сюрпризом для тети Халабы и ее старушек.

– Знаете, о чем я попрошу вас, – сказал Максуд, уважительно опуская на плечо старика руку. – Мне надо везти его далеко. Нельзя ли упаковать так, чтобы можно было нести в руке как небольшой чемодан?

– Невозможного ничего нет, молодой человек, но это будет стоить дополнительных расходов, – ответил старик, поправляя шляпу на голове: мол, дело сделано!

– Я не останусь в долгу, уважаемый папаша! – воскликнул Максуд, дав повод хозяину увеличить цену самовара еще на двадцать долларов без учета упаковки.

Упаковывая самовар, старик лихорадочно думал: «По папахе и лицу видно – человек с Кавказа. У них денег – куры не клюют. До сих пор о цене даже не спросил, можно еще тридцать накинуть».

Из какого-то толстого картона с бархатным налетом старик так ловко сварганил чемодан, что Максуд не удержался от того, чтобы не обнять его.

– Боль-шо-ое спасибо вам многоуважаемый хозяин! Дай Аллах вам доброго здоровья на многие-многие годы!

С удовольствием подняв чемодан, Максуд собрался было уйти, как костлявая рука старика, словно тисками, схватила его за локоть:

– Эй, кардаш! За одно «большое спасибо» ни ваш Аллах, ни наш Господь денег не дает, дорогой!

– Ах, да! Простите, пожалуйста. – Максуд, едва не уронив, поставил чемодан у ног. – На радостях голову потерял! Сколько вам должен?

– Сами понимаете, какой раритет в наше время такой самовар! Другому я его и за двести долларов не отдал бы, но поскольку вы сегодня у меня первый покупатель, сделали почин, уступаю вам его за сто восемьдесят… А упаковка – мой подарок вам!..

– Я с благодарностью вручаю вам двести долларов…

Возвращаясь домой, Максуд думал о том, как объяснить тете Халабе и ее дочери с мужем, что он купил. Скажи он правду, Кумсия с Саркисяном, увидев старый самовар, могли бы поднять его на смех – поставить его и тетю Халабу в неловкое положение. После мучительных раздумий он решил солгать: отец, мол, давно мечтал о монтировочном станке, и он купил его в одном антикварном магазине.

– У карлика с седой бородой и широкополой шляпой? – усмехнулся Саркисян.

– Вы его знаете?

– Весь город знает! Но только ты не знаешь, как ловко надул он тебя…

– Мне он не показался таким…

– О таких евреях у нас говорят: «Он родился на семьдесят дней раньше черта…»

МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Перед отъездом Максуда в аул Саркисян предложил ему переехать жить в Сочи, где не только больше спроса на его работу, но и более широкие возможности для участия в разных конкурсах и выхода на международную арену.

Кумсия, будто не имела никакого отношения к этому разговору, деловито ходила по комнате туда-сюда, нарочно маяча перед самым носом мастера оголенными выше колен стройными ногами. Хотя и над невольной увлеченностью Максуда ее ногами все эти дни она тихо посмеивалась, словно над глупым подростком, в котором впервые проснулся мужчина. В день его отъезда ей стало как-то тоскливо, и она, как бы между прочим, издалека повела разговор с мужем о том, как хорошо было бы для их общего дела, если бы мастер жил и работал в городе: они могли бы реализовывать его уникальные изделия с выгодой для себя.

Саркисян, будучи бизнесменом, до мозга костей пропитанным новыми идеями, ухватился за мысль жены и пообещал Максуду горы услуг: взять на себя все заботы о прописке, что было самым сложным в условиях курортного города, обеспечить его квартирой и постоянными заказами. Искоса поглядывая на жену (видишь, мол, как исполняю твое желание), которая, вся превратившись в слух, без надобности переставляла горшки с цветами на подоконнике, он не то хохотнул, не то хихикнул:

– У вас, у мастеров, кажется, говорят, Максуд: «Ум в голове – червонное золото». Пошевели своими червонными мозгами.

– Я весьма благодарен вам за лестное предложение, уважаемый Саркисян. Но оно такое

неожиданное и заманчивое, что я теряюсь в догадках. Вы что думаете, тетя Халаба?

– Что я могу сказать, дорогой Максуд? Я – человек другого времени, других взглядов. Вам, молодым, лучше знать, где жить и где работать, но я не сомневаюсь в одном: дочь моя и зять мой заботятся о тебе по-родственному, как и положено у нас. Я этому только рада. Но деньги делают и хана рабом, и раба – ханом. Кому что лучше. А по мне: лучше в своем ауле быть подошвой, чем на чужбине султаном…

– Какая же это чужбина, мама, – грубо оттолкнула горшок с цветами Кумсия, будто он был виноват в ответе матери, – когда здесь даже иностранцы чувствуют себя как дома!

– Не знаю, дочь моя. Не знаю.

– Я подумаю. Посоветуюсь с отцом, – вмешался Максуд, не желая осложнять отношения между матерью и дочерью.

– С отцом советуйся, но своего ума не теряй. Мир – курдюк, в середине – нож: режь и ешь! – победоносно заключил Саркисян, ухмыльнувшись.

Снабдив дорогими подарками, муж с женой проводили гостей до аэропорта.

Тетя Халаба сдала свой багаж без каких бы то ни было проволочек, но с багажом Максуда вышла заминка. Таможенник, мужчина средних лет с худым лицом, но с брюшком под синеватым пиджаком и большой фуражкой с задранным верхом над козырьком, предложил ему открыть «чемодан». Как ни клялся Максуд, что там нет ничего опасного – всего-навсего старая металлическая вещь, таможенника это не только не убеждало, но и делало его еще более подозрительным.

– Откуда я знаю – может, там взрывчатка! Бом-ба! Развелось вас так много – лесных братьев! – рявкнул полицейский, не допускающим возражений тоном начальника.

Виновато глядя на тетю Халабу («Он в сговоре с ней!» – решил бдительный полицейский, перехватив его взгляд), Максуд дрожащими руками распаковал багаж.

Невзрачный старый самовар, позеленевший местами, вызвал снисходительную улыбку у пассажиров, везущих более пристойные вещи.

Сообразив, что к чему, тетя Халаба обняла Максуда, навалившись на него массивным телом, и выдохнула:

– Вай дила виккан! – что означало «Ах, ты моя радость!»

– Хотел в ауле, но не вышло, – оправдывался Максуд.

– Если бы даже весь мир подарили, я больше не обрадовалась бы, сынок! – сияла тетя Халаба.

Но на таможенника самовар этот и разговор молодого кавказца и старушки произвели совсем другое впечатление. Да и эта притворяющаяся наивной старушка в стеганом кафтане и длинном белом платке больше похожа на мать «лесных братьев» или наркоманов, чем на безобидную горянку. Тем более, он был в дурном настроении: после ночного застолья голова трещала, во рту все высохло, а они, кавказские бандюги, затеяли целый спектакль – хотят обдурить его! Не на того напали!

– Открыть крышку самовара! – приказал таможенник Максуду и, оборачиваясь вокруг, угрожающе крикнул пассажирам. – Всем отойти подальше! – и сам раньше всех отскочил назад.

Максуд осторожно поднял крышку самовара и заглянул вовнутрь: а черт знает, что там еще?!

– Повернуть вверх тормашками! – воскликнул таможенник, за руку оттаскивая устремившегося к самовару мальчишку, за которым гналась мать.

– Встряхнуть! – приказал полицейский, отходя еще дальше (мол, береженого бог бережет).

Максуд встряхнул самовар и не заметил, как из него выпало что-то черное, продолговатое.

Тетя Халаба с улыбкой пошла было вперед, полицейский сделал несколько робких шагов, чтобы оттащить старушку, но вдруг представил, что может случиться с ним, если взорвется выпавшая вещь, тут же попятился в сторону и крикнул:

– Назад! Не трогать!

Но старушка, как ни в чем не бывало, подошла к черному предмету, подняла его и, разломав на две части, с улыбкой пояснила:

– Древесный уголь, застрявший когда-то…

Оскандалившийся таможенник пришел в ярость:

– Ты что кудахтаешь, старая карга?! Будто без тебя никто не может догадаться, что может лежать в выброшенном на мусорку самоваре! Но от мер предосторожности еще никто не умирал…

(Продолжение следует)

Магомед Ахмедов,
Народный поэт Дагестана

Исповедь, как предисловие

1.

Писать предисловие к своим произведениям – это очень сложное дело. Говорить о себе, рассказывать о судьбе и своем пути непросто. Нужно найти самые искренние слова, что не отличаются от тех слов, которыми написаны твои стихи – плоды бессонных ночей и беспокойных (не только беспокойных, но иногда и счастливых) дней.

Великий Есенин, поэт беспредельной честности и глубокой человеческой ясности, сказал: «Моя автобиография – в моих стихах».

В этом вся суть любого творчества, поэтического особенно. «Но есть еще океан», – как говорил Александр Блок. И этот океан – тайна небес, это судьба.

Еще раньше Блок писал: «Я думаю, мы более уже не вправе сомневаться в том, что великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений «исповеднического» характера. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжег себя дотла… Только оно может стать великим».

Я не искал и не ищу себе места среди великих, но эти слова классика, в какой-то степени, относятся и ко мне: всегда думал – как писал, всегда писал – как думал, хотя иногда ум мешал сердцу, а иногда и сердце мешало уму.

Таково было мое время, а времена, как известно, не выбирают. Плохое для поэтов время всегда становится замечательным временем для поэзии – когда поэты пишут стихи без оглядки на власть, без надежды на славу, ведь им нужен не успех, а победа, и, прежде всего, победа над самим собой. Эта победа приходит тогда, когда поэт начинает слышать звуки, «которых не слышит никто», по выражению Николая Рубцова – еще одного великого страдальца.

Поэт всегда стоит на перепутье: перед ним – вольность, жертвенность и исповедальность. Именно они делают его земную дорогу поэтическим путем.

Но, как бы то ни было, я согласен со словами Роберта Фроста: «Мне всегда неловко говорить: «Я поэт». Это ведь все равно, что сказать о себе: «Я – хороший человек».

Поэзия – это Божий дар и больше ничего. Остальное – приложение к нему.

Поэт живет внутри своих стихов, открывая потайные двери в тот мир, где воссоздается новая жизнь, воплощаясь там лучше, чище и выше, чем в самой земной жизни.

2.

Родился я в селении Гонода Гунибского района Дагестана – среди вершин, в сердце Страны гор в буквальном смысле. Год моего рождения 1955, 13 ноября. Но в паспорте написано, что я родился в 1956 году 8 января.

«Почему так получилось?» – спросите вы и будете правы. У нас в аулах секретари сельских советов были людьми не шибко грамотными. Когда отец пошел за свидетельством о моем рождении, ему его выдали 8 января 1956 года, этот же день и записали, как день моего рождения. Это я выяснил потом, заглянув в книгу регистрации тех лет. Как бы ни было, никогда 8 января день своего рождения я не отмечал, и по паспорту не жил.

Детство мое прошло в горном ауле. Здесь я окончил среднюю школу. Учился я всегда отлично, шел на золотую медаль, но из-за интриг в Министерстве просвещения (и тогда ждали взяток) медаль я не получил, хотя это не помешало мне сразу после школы поступить в Литературный институт им. М. Горького в Москве.

Школу свою я всегда вспоминаю с большим уважением, учителей своих я очень любил, да и они меня любили. С детства я много читал, и библиотека была для меня самим дорогим местом, а книга – другом. Читал я хаотично и бессистемно – классиков, современников, случайные, нужные и ненужные книги.

Родители мои – простые горцы. Дома не было библиотеки, но у отца всегда были книги аварских классиков Али-Гаджи из Инхо, Махмуда из Кахаб-Росо, Гамзата Цадасы. Он многие стихи этих поэтов знал наизусть. У него была такая привычка: встретив на улице односельчанина или односельчанку, он мог их остановить и во весь голос продекламировать им что-нибудь из аварской классической поэзии.

Отец много времени проводил вне дома – в горах, ухаживая за овцами, перегоняя их с гор на равнину, с равнины в горы – зимой и летом. Поэтому, наедине с самим собой, он читал книги аварских поэтов и хорошо знал их стихи.

Однажды, я был тогда учеником шестого класса, отец попросил меня присмотреть за отарой, пока он поедет на соболезнование в соседний аул. Я обрадовался такому доверию и, взяв с собой том «Войны и мира» Л. Толстого, пошел выполнять поручение отца. День был летний, погожий, ясный, солнечный. Я погнал отару на пастбище и, устроившись в тени высокой скалы, начал читать. Книга меня так захватила, что я забыл, где я, зачем я?.. Когда пришел в себя, оглянулся вокруг, а отцовской отары и след простыл. И стал я бегать в поисках её... Еле-еле собрал половину, а остальные овцы разбрелись по чужим пастбищам, и хозяева их «арестовали» до возвращения моего отца. Когда отец вернулся, он всё понял и сказал:

– Хорошо, что тебе можно хоть книгу доверить… С тех пор я доверяю книге, и книга доверяет мне.

Будучи десятиклассником, я послал в Литературный институт свои подстрочники, не думая, что пройду творческий конкурс. Каково же было мое удивление, когда мне в горский аул из Москвы прислали ответ, что я прошел конкурс и допущен к экзаменам.

Надо тут уточнить одну деталь. В Литературный институт принимали только после двухгодичного стажа работы, который требовали в целях познания жизни и труда. Считалось, что пишущему человеку такая практика нужна, чтобы у него появился жизненный опыт, темы, о которых он будет писать. У меня, десятиклассника, конечно, такого стажа не было. И я это скрыл от комиссии.

Получив аттестат с одной четверкой по математике, которую поставили мне в Министерстве просвещения по надуманному поводу (до сих пор помню их объяснения о том, что якобы я пропустил в решении задачи – «а» не равно «нулю» – и поэтому мне полагается четверка, а я спорил и говорил, что если бы я это не подразумевал, то дальнейший ход задачи был бы неправильным), отдалившую меня от золотой медали (серебряные тогда были отменены), я поехал в Москву поступать в Литинститут.

Горский мальчик, несколько раз побывавший в Махачкале – столице Дагестана… почти минуя Махачкалу, я отправился в Москву. До сих пор меня не покидает то великое удивление, которое подарила мне, горскому парню, Москва, и поэтому я Москву люблю, как первую любовь, как город моей молодости и счастья. Я никогда на Москву не обижался, хотя она в последние годы стала богатой и злой. Москва есть Москва. Годы, проведенные в Москве, были лучшими годами. Это к слову.

Итак, Тверской бульвар, 25. Литинститут. Идет собеседование перед экзаменами. За большим столом сидят члены комиссии во главе с ректором Владимиром Федоровичем Пименовым.

Захожу. Робко стою. И вдруг голос ректора:

– Молодой человек, вы зачем приехали? Оказывается, у вас нет стажа работы, а мы без стажа не принимаем. Вы что, не до конца читали правила приема?

Молчу. Думаю: «Прощай Литинститут».

В это время слышу другой голос (он оказался голосом моего незабвенного учителя Александра Михайлова):

– Владимир Федорович, этого молодого человека для своего семинара выбрал я, под свою ответственность, он – горец, у них с детства привыкли работать, это можно считать стажем. Литинститут ему необходим, в этом я убежден.

Так мой учитель спас меня в первый раз, а потом он это делал еще очень много раз.

Ректор отрезал:

– Если на отлично не сдашь экзамены, будешь идти вторым эшелоном.

Слава Богу, я сдал экзамены и поступил. Учеба в Литинституте – особая статья в жизни каждого его выпускника.

Думаю, что таких замечательных, творческих, свободных в несвободной стране, искренних и истинных преподавателей не было ни в одном вузе советской державы. Каждый из них

был личностью, мастером своего предмета, а, значит, и своего дела.

Никогда не забуду моих учителей по русскому языку (Царство им Небесное) Лигию Григорьевну Шипош и Нину Васильевну Федорову. У нас первой парой был русский язык, а было нас несколько человек из национальных республик: Валерия Гросу из Молдавии, Мурад Мухаммад Дост из Узбекистана, Гюзель из Алтая, Эгемберды Эрматов из Киргизии, Чапиньш из Прибалтики и я из Дагестана.

Лигия Григорьевна и Нина Васильевна приходили на урок с термосами и бутербродами. И перед началом урока говорили:

– Деточки, вы, наверное, не успели позавтракать. Давайте, сначала попьем чай с бутербродами, а потом приступим к уроку.

Вот так. Расскажешь кому сегодня – не поверят. Вот такое было отношение к нам, студентам, которые находились вдали от своей малой родины, но были сыновьями Большой Родины. Разве можно такое забыть? Такая была страна, такая была Москва.

Литинститут… Абсолютно прав был Юрий Кузнецов, то же самое я могу сказать и о себе: «В моей жизни Литературный институт оказался тем самым рычагом, которым, по Архимеду, можно повернуть мир. Благодаря ему я перевернул свою судьбу. Надеюсь, в лучшую сторону. Все, кто учится в этом институте, ведут очарованную жизнь. Давно замечено, заколдованной жизнью живет большая категория людей: влюбленные, игроки, дети, сумасшедшие, выскочки и, разумеется, поэты. Колдовство я почуял уже во время вступительных экзаменов».

Конечно, самым главным человеком для меня в Литинституте был мой учитель, руководитель нашего поэтического семинара, замечательный критик и человек Александр Алексеевич Михайлов – тот самый, который спас меня при собеседовании. Обсуждения на семинаре были буйные, бескомпромиссные. Мы не щадили друг друга – ни друзей, ни недругов.

Национальные поэты представляли для обсуждения на семинаре подстрочники, но к ним не бывало никакого снисхождения: прорываясь к смыслу через дебри подстрочных переводов, довольно четко определяли – есть в этих стихах поэзия или нет. О нашем семинаре очень верно сказал один из лучших преподавателей Литинститута, блестящий знаток русской и мировой поэзии, неповторимый Владимир Павлович Смирнов, ставший мне старшим другом, им он остается до сих пор.

«Я помню семинар А.А. Михайлова. Чем этот семинар в продолжение долгих лет отличался? Тем, что там под одной крышей могли находиться люди традиционалистского толка и авангардно-модернистского. И Михайлов умел развить в должном направлении и те, и другие задатки, не подавляя их. Умение поддержать и развить то, что присутствует в даровании того или иного человека, это было одной из сильных сторон руководителей творческих семинаров. Не перекраивать на свой лад индивидуальность студента, а развить то, что ему присуще».

Верность этих слов я почувствовал на себе. В Москву я приехал с чистыми родниковыми стихами гор. Но на второй год обучения, сам того не замечая, попал под влияние модных тогда эстрадных поэтов – хотелось побыстрее популярности и славы. И вот идет обсуждение моих стихов на втором курсе. Стихи так себе, ничего особенного – ни лучше, ни хуже, чем у других. Семинаристы бурно обсуждают их: кто-то хвалит, кто-то ругает. Даже Галина Ивановна Седых, помощник Михайлова, несколько добрых слов уже сказала.

Но тут слово взял А. Михайлов. Он не оставил камня на камне от моих стихов. Сказал о подражательности, о вторичности, о потере индивидуальности, о попрании традиций и т.д. Был зимний день. Шёл великий московский снег. Я покинул семинар, битый любимым учителем. Брёл по улицам Москвы, ничего не видя и никого не замечая.

Довольно долго я бродил по городу и лишь поздно вечером дошел до нашего общежития. Там меня встретила наша вахтерша, доброй души человек – тётя Шура. Она сказала:

– Несколько раз на вахту звонил Михайлов. Он спрашивал тебя, когда бы ты ни пришел, просил обязательно ему перезвонить.

Тут же я набрал номер учителя. Он взял трубку и, узнав мой голос, сказал: «Ну, что, получил? Заслуженно получил. Брось заниматься ерундой, вернись к себе, к родине, к истокам. И все будет хорошо». После этого случая он ни разу не обсуждал мои стихи на семинаре, не прочитав прежде их сам. Диплом я защитил на «отлично».

3.

Детство мое прошло в ауле Гонода, что находится у подножья величественной Седло-горы, которая как маяк видна из разных районов Нагорного Дагестана. Вокруг моего аула – горы и скалы, а сам аул лежит, как бы в их ладонях, окруженный лесами и лугами. Я люблю Седло-гору. Она научила меня понимать природу и погоду. Сама Седло-гора никогда не менялась, как природа, а погоду умела предсказывать. Седло-гора была барометром, определяющим погоду на все дни. С утра посмотришь на нее и узнаешь, какая будет погода. И дождь, и снег, и тучи, и лучи солнца, и тень, и свет – это все на Седло-горе имеет свое значение, через них определяется поведение погоды и вечность природы. Но самое любимое мое место в ауле находилось, конечно, там, где раскинулась березовая роща. Наши березы немного похожи на плакучие ивы, их косы ниспадают с плеч в невероятной красоте. В тени берез, в летнюю жару, читал я стихи всех поэтов вслух, прислушиваясь к музыке, ловя звук и ритм. И никто мне не мешал.

Березы сами – как стихи, и они всегда радуются стихам, недаром же поэты сравнивают их с девушками-красавицами. За аулом – сосновый лес, внизу течет Аварское Койсу. Много времени мы проводили у реки, купались, рыбу ловили, устраивали набеги на общественные сады.

Мы были так воспитаны, что нельзя врать, красть, предавать; и, когда лезли в колхозный сад, непременно снимали пионерский галстук или прятали комсомольский значок. Стыдно было в них собирать урожай в чужом саду, хотя сад был общественный и принадлежал всему аулу. Сейчас таких садов нет. Сейчас всё частное. Может быть, это и лучше, но тогда, мне кажется, люди были щедрее и добрее, да и мы были воспитаны по горским законам, в духе сельского годекана и аульской улицы.

Книги я читал в разных местах: то на камне, то под скалой, то в пещере, то у реки, то у родника, то в лесу, то в саду. Самое главное – всегда, где бы я ни был, со мною была книга. Лежишь в расщелине скалы, идет дождь, и ему не добраться до тебя, а ты читаешь книгу – так сладко, так приятно, так радостно и солнечно в груди. Незабываемое ощущение открытия мира, стран, народов и вместе с тем единения с природой. Наши учителя были настоящими учителями. Сейчас я понимаю, что именно так надо было нас учить, чтобы мы – горские мальчики и девочки, говорившие на русском языке в ауле только лишь с учителями в школе, сдавали экзамены и поступали без всякого блата в столичные вузы в Москве и в других городах. Это, действительно, было образование – общее и личное. Не чета нынешнему – компьютерно-беглому, ЕГЭэстичному.

До сих пор помню наизусть стихи русских и аварских поэтов, выученные в школе, а наизусть мы учили тогда много – почти всех классиков.

Иногда отец брал меня с собой в горы, на летнее пастбище. Незабываемое зрелище – лежишь под буркой на вершине горы и смотришь на небо, а там: звезды, звезды, звезды. Прямо, по-лермонтовски: «И звезда с звездою говорит». Это потом я услышал выражение про «звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас», которое свидетельствуют том, что поэзия никогда не умрет.

С детства я видел поэзию везде: в роднике, в речке, в горах, в аулах, приютившихся на скалах, в орлах, парящих в небе, в ласточке, щебечущей по весне, в подснежнике, горящем, как свеча на снегу, самое главное, в простых людях – горцах, чья тяжелая жизнь становилась легче от песни. Где вы, где вы, аульские свадьбы? Старинные наряды, песни, танцы делали людей счастливыми и настоящими. Была какая-то общая радость, счастье, судьба, хотя жили не так материально обеспеченно, как сейчас, но духовная жизнь была богатой и разнообразной. Приезд кунака приравнивался к свадьбе. Делили вместе и радость, и беду.

И еще. Детство – это страна твоего родного, молочного языка, как называют его аварцы. Страна сказок, притч, афоризмов, пословиц и поговорок. Детство – это воспитатель твоего языка. Лишь народный язык аула может создать поэта и его поэтический мир, если в нем есть Божий дар. Поэтому до сих пор, где бы я не находился, до меня долетают сладкие звуки аварской речи из родного аула, они будят спящие воспоминания и именно они дают новую жизнь поэтической строке. А поэзия, как известно, непереводима, родному языку верна и живет только внутри языка. Поэтому, прежде всего, мы поэты аула. Так что, перефразируя французов можно сказать: «Дагестанские поэты рождаются в

ауле, а умирают в Махачкале». Как бы ни было грустно, но это так. Ну, что поделать? Недаром же Дагестан называют не только Страной гор и горой языков, но еще и страной поэтов.

4.

Литературный институт для меня стал тем же, чем стало для Пушкина Царское Село. Помните: «Отечество нам Царское Село». Литинститут давал не только хорошие знания тем, кто хотел их получить, но и дарил большую дружбу с поэтами всех республик Советского Союза. Может быть, это общение значило даже больше, чем учеба. В конце концов, учеба зависела только от самого человека: хочешь – учись, хочешь – не учись. Некоторые дагестанцы, как приехали, так и уехали, ничего не приобретя, хотя и провели пять лет в стенах замечательного Литинститута. Они считали свои бездарные стихи выдающимся явлением в литературе и не интересовались ни русской, ни мировой литературой.

Вспоминаю такой случай. Один дагестанский стихоплет учился в Литинституте очень долго. Он был заочником. Никак не мог сдать экзамены, и его всё время оставляли на второй и третий год. Но, в конце концов, с горем пополам он добрался до защиты диплома. Однако оставался один хвост – литература Серебряного века. Экзамен должен был принимать мой друг Владимир Павлович Смирнов. А я в это время, по стечению обстоятельств, жил в Москве. Вот звонит мне этот неудачник-поэт и просит:

– У меня один экзамен не сдан. Принимает его твой друг Смирнов. Приходи в институт. Попроси его поставить мне оценку, он ни в какую не соглашается это сделать.

Что делать?.. Я пришел. Нашел Смирнова. Он принимал экзамен. Увидев меня, Владимир Павлович вышел из аудитории. Я сказал, что надо помочь одному человеку и назвал фамилию. Смирнов улыбнулся и сказал:

– Подождите, я закончу и мы поговорим.

Вскоре он вышел из аудитории.

– Ну, что же, – говорит, – я буду твоим ассистентом, а экзамен принимать будешь ты. Если ты поставишь ему оценку, я подпишусь. Разложил билеты. Этот «поэт» взял один из них. Замечательный билет: «И.А. Бунин. Повести». Лучшего билета и придумать-то невозможно. Держит в руках билет и молчит. Мы со Смирновым ждем. А он молчит. И вдруг заговорил:

– Бунин. Повести. Бунин. Повести…

– Что за повести? – спрашивает Смирнов.

Экзаменуемый опять молчит. Я не выдержал и на аварском языке подсказываю:

– У Бунина есть повесть «Деревня», рассказывай о ней. Дело в том, что на аварском языке и деревню, и село, и аул обозначает одно слово «росу».

Наш студент после долгой паузы вымолвил:

– Да, я прочел повесть Бунина «Аул».

Смирнов все понял и чуть не упал со стула от хохота. Спрашивает меня:

– Ну, как? Ставишь ему положительную оценку?

А я отвечаю:

– Нет, не могу! Не простит меня великий Бунин, если я поставлю за этот позор хорошую оценку.

– Тогда, – сказал Смирнов мне, – за твою честность я поставлю ему тройку.

Вот так учились некоторые наши земляки. Один из них, выйдя с госэкзамена в коридор, сказал своим однокурсникам по Литинституту:

– Оказывается, Пушкин – хороший поэт, его роман «Евгений Онегин», говорят, гениальный роман.

Об этом он, бедный, узнал на госэкзамене, когда не смог ответить на вопрос о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Я приехал учиться, и учился. В предисловии «Его призвание» к моей первой книге стихов на русском языке «Строка», которая вышла в издательстве «Современник» в 1983 году, мой учитель Александр Михайлов писал: «В течение пяти лет учебы в Литературном институте имени А.М. Горького Магомед Ахмедов был моим «семинаристом». Совсем юным человеком пришел этот аварец ко мне в семинар на первом курсе, где, по литинститутской традиции, собрались стихотворцы нескольких национальностей. Это был довольно пестрый, весьма неровный по способностям студентов семинар, но несколько человек к исходу второго года обучения заметно выделились, подтверждая свое право на поэтическое творчество. Среди них был Магомед Ахмедов.

За почти два десятилетия работы в Литературном институте я, пожалуй, и не припомню

студента, который бы с такой трогательной добросовестностью относился к своему статуту, к своим обязанностям. Что греха таить, студенты Литературного института не всегда образцово относятся к занятиям. Магомед, я помню, опаздывая на один день в институт после каникул из-за самолета, прислал две телеграммы: одну – в учебную часть, другую – руководителю творческого семинара. Объяснял причину опоздания, извинялся.

Это свойство не было педантизмом примерного ученика, хотя Ахмедов пришел в институт учиться. Он с жадностью набросился на книги, он не пропускал ни одной лекции, он хотел много знать; и это резко отличало его от тех юных невежд, которые свое невежество объясняли природной гениальностью, которая-де не нуждается в приобретенной культуре и знаниях, которой-де они только мешают проявиться. Надо ли говорить, что никого из таких «гениев» не видно в литературе!..

Совершенствуя знание русского языка, активно участвуя в работе семинара, в обсуждении творческих работ своих товарищей, Магомед в то же время постоянно работал творчески. Он писал не то чтобы много, но, еще раз повторю, постоянно, то есть не позволял себе расслабиться, делать большие паузы. Ведь для молодого стихотворца особенно важна система в работе. Важна – и потому, что он переполнен свежими впечатлениями, и ему необходимо серьезно заявить о себе, и потому, что также необходимо наращивать поэтический костяк, развивать профессиональное умение, мастерство. Магомед Ахмедов понял это сразу, и он работал много, делая упор не на количестве, а на качестве стиха, идя не вширь, а вглубь.

Мне нравилось тогда и нравится сейчас, когда молодой поэт обретает творческую самостоятельность, – серьезность его намерений, его поэтических амбиций. Имея перед собой в аварской поэзии прекрасные образцы, он уходит от ученичества, от пребывания на запятках, он торит свой путь.

Конечно, нравственная и эстетическая позиции его еще не вполне четки, они еще нащупываются, но ориентир взят верный. И если поэт, вообразив себя, свою жизнь залом ожидания, который заполняют тысячи судеб, сумеет разобраться в людском сонме, сумеет извлечь из него драгоценные крупицы людского опыта, переплавить его в собственной душе, то все это может воплотиться в поэтических образцах высокой пробы, возможностей творческих для этого у Магомеда хватит.

Магомед Ахмедов наследует богатые гуманистические традиции поэзии Востока, рядом с ним высится пик Расула Гамзатова. Молодой поэт, с уважением, но без робости, оглядываясь на него, на прошлое своего народа и его культуру, смотрит также и окрест, осваивает духовные ценности других народов, и душа его открыта новым впечатлениям. Оттого и книга Магомеда Ахмедова пронизана токами современности. Это книга молодого человека, который живет в сложном, трагическом и прекрасном мире, живет среди людей, которых он хочет сделать счастливыми. Жизнь для людей, жизнь в поэзии – его призвание».

5.

После окончания Литературного института я приехал в Махачкалу и стал работать в Дагестанском книжном издательстве. Мне посчастливилось быть редактором двух замечательных книг: «Избранное» Магомеда Сулиманова и «Учитель и ученик» Омар-Гаджи Шахтаманова.

С Магомедом Сулимановым и Омар-Гаджи Шахтамановым я был знаком со школьных лет, и они оставили в моей душе глубокий человеческий и поэтический след. Это были неповторимые личности. Я вспоминаю первую встречу с ними. Мы – юные поэты-школьники, я и Гаджи Ибранов, приехали в Махачкалу показать свои стихи. Пришли в Союз писателей очень рано, но он был закрыт. Мы ждали у дверей. Вдруг показались они – Сулиманов и Шахтаманов. Я их узнал по фотографиям, напечатанным в их книгах. Тогда мы читали все, что издавали на аварском языке, и каждая книга была большой радостью, а сами писатели казались, действительно, небожителями. И вот они подошли к нам: Шахтаманов в папахе – похожий на Печорина, и Сулиманов в шляпе – напоминающий Евгения Онегина. Я знал и читал поэмы М.Ю. Лермонтова в переводах О.-Г. Шахтаманова и «Евгения Онегина» А.С. Пушкина – в переводе Магомеда Сулиманова. Это было потрясение. Какой аварский язык, какая поэтичность! Будто это были не переводные произведения, а стихи, написанные на аварском языке. Знал я и их творчество. Они оба были блестящими поэтами.

Шахтаманов взглянул на нас. Я сделал шаг навстречу, а Ибранов остался на месте.

– Вы откуда, юноши, – спросил Шахтаманов.

Я ответил на аварском.

– Зачем приехали? – задал он вопрос.

– Читать свои стихи, – сказал я.

– Стихи и у нас есть, – улыбнулся Шахтаманов. – Ну, что же, Магомед, – обратился он к Сулиманову, – послушаем этих юношей.

Мы зашли в Союз писателей и поднялись по лестнице… Потом в одном из своих стихотворений я написал, что с «лестницы на нас смотрели Махмуд и Гамзат, а на кабинет Гамзатова, как на Каабу, смотрели мы». Действительно так оно и было. Зашли в угловую комнату, где работал Шахтаманов.

– Начинайте. Кто из вас старше? – спросил Омар-Гаджи.

Старше был Гаджи Ибранов. Он достал тетрадь и начал читать. Прочел одно стихотворение, второе, третье…

– Хватит, – почти крикнул Шахтаманов. – Юноша, зачем тебе портить себе жизнь, займись лучше другим делом, – сказал он Ибранову.

Магомед Сулиманов молчал.

– Давай, сейчас ты прочти, – сказал Шахтаманов мне.

А я горел синим пламенем от волнения, испуга и еще от чего-то… Я видел, как был обожжен колкой критической характеристикой Гаджи Ибранов… Но, что делать, надо было и мне читать. Я наизусть знал свои стихи и прочел их без тетради. Когда я прочел уже пятое стихотворение, а маститые аварские поэты меня ни разу не перебили, Омар-Гаджи сказал Сулиманову:

– Магомед, по-моему, сегодня хороший день. Как тебе стихи этого юноши?

Сулиманов спокойно ответил:

– Чтобы узнать вкус меда, не обязательно есть целый улей – можно и по кусочку определить это. По-моему, он поэт.

А мне было всего четырнадцать лет. Услышать это из уст великого Магомеда Сулиманова дорогого стоит! После паузы Шахтаманов взял телефон, набрал какой-то номер. Ему ответили…

– Нашел, – сказал Шахтаманов.

– Кого нашел? – спросили на том конце провода.

– Поэта нашел, поэта, – повторил Шахтаманов.

Оказалось, что звонил он не кому-нибудь, а самому Расулу Гамзатову.

Расул Гамзатов тут же пригласил их к себе, велев, чтобы и меня привели с собой. Как сегодня помню: прямо во дворе дома Расула я читал свои юношеские стихи. И они втроем слушали их и одобрительно кивали. Потом Гамзатов написал в «Литературной России»: «Стихи Магомеда Ахмедова чисты, ясны, как сегодняшний первый снег».

Это было счастье…

Они все ушли уже в мир иной, но моя благодарность и вечная любовь к ним всегда со мною. Где у нынешних поэтов эта поэтическая щедрость души, эта радость за появление нового поэта? Грустно. Другие времена, другие нравы. Но я всегда радовался и радуюсь, если кто-то напишет хорошие стихи, этому меня научили мои великие учителя.

Никому никогда я не завидовал, только радовался, если стихи талантливы.

Магомед Сулиманов навсегда остался для меня честнейшим человеком и поэтом, блестящим знатоком языка и большой личностью; Омар-Гаджи Шахтаманов стал моим другом, с которым мы делили хлеб не только родной земли, но и чужбины – мы долгие годы вместе жили в Москве.

Он мог посреди ночи позвонить мне и спросить:

– Юноша, у тебя сигарет нет, а то у меня кончились?..

А находились мы в разных концах Москвы, ему не сигареты нужны были, он хотел услышать мой голос. В этом тоже было что-то великое. А с Расулом Гамзатовым мне довелось работать долгие годы, он был моим учителем и другом.

В одном из своих последних интервью он сказал: «За это время утвердил себя как настоящий поэт аварец Магомед Ахмедов, человек образованный, который может от имени нации и от имени всероссийской литературы выступать везде».

Это для меня великая честь. Услышать такую оценку из уст самого Расула. Это дорогого стоит.

Я благодарен Расулу Гамзатову за всё то доброе, что он для меня сделал. Приведу здесь и его стихи, посвященные мне. Они были написаны в чистом блокноте, который подарил мне Расул и сказал: «Пиши в этот блокнот только замечательные стихи».

А вот и стихи Расула Гамзатова:

Магомеду Ахмедову – моему молодому другу

Мой друг, оставлю тебе, уходя,
Я книгу стихов, где чисты все страницы,
В которой надежда моя, как дитя,
Еще не успела на свет появиться.

Сундук своих старых и новых счетов,
До коих мои кредиторы охочи…
Я знаю, что ты расплатиться готов
Не медью, а золотом будущих строчек.

Любовь оставляю последнюю я,
Алмаз драгоценный, который когда-то
Я спрятал надежно в родимых краях,
Но, где тот тайник, позабыл безвозвратно.

Еще оставляю тебе, Магомед,
Небесную азбуку звезд, по которой
Способен прочесть настоящий поэт,
Что сбудется с нашим отечеством скоро.

Но, если пропущены в тексте слова,
Не стоит искать их в упрямстве сердитом.
Пусть лучше склонится твоя голова
В том месте, где предков могильные плиты…

Ты к ним подойди и как преданный сын
Безмолвие сонных столетий послушай,
Где жизнь остановлена, словно часы,
Лишь дышат, как травы, бессмертные души.

… Ах, как незаметно подкралась зима!
Свалилась холодным нетающим снегом
На голову мне, ужаснувшись сама, –
Как будто бы гром среди ясного неба.

Как быстро моя молодая мечта
Из девушки вдруг превратилась в старуху,
Где правила миром вчера красота,
Сегодня царит беспощадно разруха.

Звенящая песня разгульной весны
Негаданно стала протяжным намазом,
И юности буйной цветастые сны
От солнца палящего выцвели разом.

От белой напасти спасения нет,
И от сквозняков больше некуда деться.
Но я завещаю тебе, Магомед,
Мою недопетую песню в наследство.

Прижми ты ее, как ребенка, к груди,
Пьянящим морозом позволь надышаться!
От мысли, что все у тебя впереди,
Мне легче и радостней с ней расставаться.

Мой друг, напоследок в гунибском лесу
Дарю я тебе неприступные скалы,
Где, может быть, выследишь ты ту лису,
В которую пуля моя не попала.

Вершину, куда я подняться не смог…
Ущелье, куда не посмел я спуститься…
И думу мою, о которой лишь Бог
Узнает на самой последней странице.

6.

Один замечательный поэт сказал: «Мои стихи – это мои стихи. Их никто другой не напишет, пусть у него даже великий талант». То же самое о себе могу сказать и я.

Для каждого человека его родной язык самый богатый и великий, независимо от того большие или малочисленные народы на нем говорят.

А.И. Куприн сказал: «Русский язык в умелых руках и в опытных устах – красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен».

Таков же и аварский язык, на котором я пишу, думаю, чувствую и люблю. Волшебство языка – есть волшебство народа, и каждый носит в своей груди клад родного языка, который открывают в разную эпоху по-разному, а поэты – по-своему.

Мне дороги слова поэта, который сказал: «В мире есть только три вещи: Бог, поэзия и ты». Но добавлю сюда еще: Родина и родной язык.

Во всяком языке скрыт поэтический язык. Сердце и душа аварского языка – это поэтический язык произведений Махмуда из Кахаб-Росо, Али-Гаджи из Инхо, Гамзата Цадасы, Расула Гамзатова и других великих аварских поэтов. Поэты отражаются в зеркалах эпох поэтическим языком и несут миру тайну по имени «язык». Убежден, что высшая поэзия рождается только внутри родного языка. Но я благодарен моим русским друзьям-переводчикам, которые делают мои мысли и чувства достоянием многих людей, не знающих аварского языка, – слова другого языка, но стихи мои; а то остался бы я, по меткому выражению Расула Гамзатова, «поэтом одного ущелья».

Русская культура и литература сыграли особенную роль в моей поэтической, творческой и

человеческой судьбе. Мне посчастливилось больше десяти лет жить и работать в Москве, общаться и дружить с выдающимися русскими поэтами, писателями, литературоведами. С благодарностью и теплотой вспоминаю я их имена: Владимир Соколов, Юрий Кузнецов, Анатолий Передреев, Яков Козловский, Николай Дмитриев, Василий Белов, Сергей Михалков, Юрий Селезнев, Лев Ошанин, Александр Проханов, Вадим Дементьев, Станислав Куняев, Геннадий Иванов, Александр Еременко и многие другие. В последние годы я обрел много новых друзей – замечательных русских и национальных поэтов, которые приезжают в Дагестан, пишут о нем, переводят мои стихи и стихи дагестанских поэтов. Сергей Васильев, Евгений Семичев, Иван Голубничий, Юрий Поляков, Владимир Бояринов, Николай Рачков, Юрий Щербаков, Надежда Кондакова, Сергей Соколкин, Евгений Чеканов, Алексей Бинкевич, Ренат Харис, Валери Тургай, Николай Лугинов, Канта Ибрагимов, Равиль Бикбаев, Муталип Беппаев… Спасибо вам, друзья! Чтобы перечислить ваши имена, не хватит нескольких страниц! Всем вам я благодарен за дружбу и искренность, за верность слову и преданность делу.

В одном я уверен – стихи должны помочь людям «в работе, в поисках пути, в сердечной смуте», а также «жить, думать, чувствовать, любить, свершать открытья».

Поэту нужен не успех, ведь «быть знаменитым некрасиво», поэту нужна победа, и он должен помочь человеку быть человеком.

Уильям Фолкнер сказал: «Я верю, что человек не только вытерпит, но и победит. Долг писателя, долг поэта – писать об этом. Почетная обязанность писателя – помогать человеку переносить все тяготы, возвышая его дух, напоминая ему о мужестве, и чести, и гордости, и сострадании, и жалости, и жертвах – обо всем, что было его славой в прошлом.

Слово поэта не должно быть простой записью дел человеческих, оно должно быть прочной опорой, помогающей человеку выстоять и победить».

Мой любимый Блок написал: «Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки. Потому что он – сын гармонии, «поэт».

То, о чем сказали и Фолкнер, и Блок, для меня очень важно – не только в поэзии, но и в жизни. «Слово поэта – суть его дела».

7.

Всю свою жизнь поэт пишет автопортрет на фоне времени, своей судьбы и своего пути.

Чтобы его написать, у поэта должны быть слух, чутье и третий глаз.

Языковое чутье – самое острое чутье для поэта. К сожалению, при переводе многое теряется, но, как говорится, из воды масло не собьешь: если нет поэзии в оригинале, это видно и в переводе.

Прочувствовать и пропустить через сердце время – есть вечное в поэзии.

В настоящей поэзии звучат в лад голоса разных эпох, перекликаются разные традиции.

Традиция для меня священна. Не представляю себя без Пушкина, без Гамзатова, без великих классиков. Они требуют ответа, под их присмотром пишу автопортрет, но и, оглядываясь на своих современников, чувствую, что без их понимания тоже тяжело.

Поэзия всегда чувственна и интеллектуальна.

Настоящая интеллектуальная поэзия ничуть не уступает самой чувственной поэзии, да и в ней ощущается мысль сердца.

Стихи пишутся тогда, когда внутри тебя поет стихия, а тебе остается лишь записать эти волшебные ноты. Поэт, прежде всего, композитор слов. Ритм, мелодия, звук – основные его составляющие.

Ритм – это сердце поэзии, а своя особая нота – это судьба.

Великие стихи даются свыше, а хорошие стихи пишутся, но в них должен быть лад сердца и ума.

«Поэзия должна быть глуповата», – сказал Пушкин.

В этом тайна, но Пушкин же не сказал, что поэт должен быть глупым. Глуповатость по-пушкински – это высшая простота, которой отмечен гений.

В поэзии должен присутствовать трепет жизни, у стихов должна быть тайная зацепочка, которая хватает за сердце, если нет этой зацепочки – нет и поэзии.

Талант – это честность и душевная чистота.

Это для меня главное. Вот мой автопортрет. Вот моя исповедь.

А какой она получилась – судить читателям…

Махачкала. 2015, январь

Алиса Ганиева

Жених и невеста

(Продолжение. Начало в № 9-10 за 2015 г.)

– Слушай, хватит да, со своими коршунами, – вмешался отец. – Ты лучше его имя громко не произноси – мало ли!

– А я не боюсь, Асельдер! Это ты его боялся! Он твоего сына убил, а ты хвост поджал, как трусливый волк перед охотником.

– Перестань, да, слушай.

– А те ваучеры… Помнишь? Двадцать лет назад. Кто тебе не дал продать те ваучеры?

– Акции.

– Да какая разница! Не дал Халилбек! Уговаривал, как бешеный, не продавать, и ты не продал – послушался. Доверил. А Магомедовы продали и на эти деньги участок купили в городе. А мы живем, как колхозники, в поселке!

– Надоела, слушай, сколько можно вспоминать про эти акции…

– А игровой дом! Кто игровой дом построил в поселке, кто молодежь портил лохотронами, автоматами? Халилбек!

– Мама, – оторвался от миски Марат, – он такие дела воротил, а ты черт те что вспоминаешь, детский сад разводишь. Все, можешь успокоиться, посадили его.

– Еще неизвестно, окончательно или нет, – замотал головой отец. – Его же три раза брали. Смешно, слушай. Первый раз взяли. Обыск, туда-сюда, народ на ушах, журналисты уже смакуют. Потом вечером Халилбек делает заявление, что никто его не вязал, он на свободе и все у него хорошо. И полиция не опровергает. Через две недели то же самое!

– Что за бред?

– Клянусь! И только на третий раз, когда уже никто не верил, запрятали по-настоящему.

– Я очень рада, очень, – опять затараторила мать. – Пускай там сгниет вместе с ремешком от своей проклятой кобуры. Адик, какой светлый мальчик!

– А что с его домом? – неожиданно оживился Марат.

– Адика? – взметнул брови отец. – Так его жена продала этот дом какому-то типу из полиции.

Он сам пришел и объяснил, бумаги показал.

– Представляешь, какая наглячка? – снова раскалилась мать. – Я ее нашла на молочной ферме, думаю, дочка моей троюродной племянницы, работящая девочка, как раз для Адика, на ноги его поставит, а она! Мало того что детей забрала с концами, так еще и втихую дом продала. А нам ничего! Все себе в карман!

– А ты что хотела? Что ты чужие деньги считаешь? – заныл отец.

– И буду считать. Кто этого мальчика с детства одевал и кормил? Кто? Она, что ли? Пришла на готовенькое. Вот сейчас все молодые такие. Не успела замуж выйти, сразу квартиру ей подавай или дом и машину. А горбатиться за них семьи мужей должны.

– Ну все, уже не остановится, – пробормотал про себя отец, доставая откуда-то из-под себя газеты.

– И машину Адика, и дом – все этот полицейский купил.

– Не простой. Полковник, – вставил отец, не отрываясь от газеты.

– Полковник… Да хоть бы генерал. Не хочу я такого соседа. Теперь каждый день просыпаюсь от плохих снов. Думаю: а если

этому менту под бампер взрывчатку поставят, то и в нас попасть может. Мы же рядом совсем.

– Да проверяет он бампер. Каждое утро выходит, проверяет, – точно так же, из-за газеты, заметил отец.

– Проверяет он! Лучше бы он поменьше на свадьбах гулял, – не прекращала мать. – И людям носы не сворачивал. Привыкли пытать в своих подвалах…

– Ты о чем, мама? – удивился Марат, успевший отвыкнуть от материнского темперамента.

– А о том, что этот полковник или генерал, я не знаю, вернулся пьяный со свадьбы начальника…

– Из города, – вклеил отец.

– Да, из города, где мы, к сожалению, не живем, а печемся в этом коровнике без навеса. И вот, вернулся он со свадьбы и пристал к сыну Мухтара. Ну, у которого ишемия и забор некрашеный два года. Стыдно должно быть, куда жена его смотрит…

– Мама…

– Ну пристал к сыну Мухтара – типа: я из шестого отдела, а ты кто такой? С ним еще дружки были, оттуда же. Ну сын Мухтара, Алишка, он законы знает, сразу попятился и удостоверение попросил. Тем более что коньяком воняло на всю улицу. А полковник тут ему и врезал в нос с разлету и нос сломал аж в трех местах. И дружки навалились. Стали колошматить. Один по животу прыгает, другой на грудь сел верхом. Ужас! И удостоверение ему суют, издеваются, типа: смотри, любуйся. Но Алишка сумел одного ногами пнуть так, что тот в канаву отлетел.

– Ты сама это видела, слушай? – бросил отец газету. – Что ты сочиняешь?

– Мне Мухтар рассказывал. Сына изуродовали, а теперь дело хотят пришить за насилие в отношении представителя власти.

– Да этот сын за «железку» ходит, еще неизвестно, чему их там учат. Просто так полицейский ни к кому не подойдет…

– Ха-ха-ха, – громогласно засмеялась мать, – ты хоть сына не смеши, он у тебя адвокатом в Москве работает, еще не такого навидался.

– Мама, ну я, конечно, навидался, но ты тоже кидаешься делать выводы. И дома, я давно заметил, спрячешь куда-нибудь нужную вещь или деньги, а потом не можешь найти и сразу всех обвиняешь. Строишь сценарии: кто стащил, когда, каким способом.

– Правда, правда, – закрякал опять отец.

– Ну вот, пожалуйста. Приехал, чтобы мать пилить. С отцом заодно, – возмущенно замерла мать, до того активно переставлявшая посуду у раковины. – Ты тут особо не расслабляйся. Ты же знаешь, что банкетный зал снят на тринадцатое и деньги уплачены.

– Вот не надо сейчас…

– Надо. Иначе ты до старости не женишься. Как дед Исхак, который с ума сошел и каждую ночь в могилу ложился вместо постели. И «ясин»[1] сам над собою читал.

– Ты хоть дай человеку отдохнуть – два дня в поезде трясся, – вступился за Марата отец.

– А ты, Асельдер, ему дурную услугу не делай. Сам-то куда без меня?!. – Потом как будто вспомнила о чем-то, метнулась к плите. – Все, Марат, бери чай, я с чабрецом заварила. Пей, а я сейчас сбегаю за списком. И ты, Асельдер.

Мать хлопнула на застеленный японской клеенкой стол тяжелые чайные ложки, поднесла, держа за не успевшие нагреться краешки, горячие стаканы с чаем и умчалась, опять на ходу поправляя упрямые шпильки в посеребренных годами волосах.

– Фуф, – выдохнул Марат, улыбаясь.

Отец не заметил его улыбки. Он сосредоточенно дергал себя за мочку уха и молчал, задумавшись.

– О чем думаешь, отец?

– Я? – переспросил тот, очнувшись и пересаживаясь к столу. – Я думаю, что хорошо бы тебе от Русика этого балетного подальше.

– Ты что, отец?

– Мне его родные говорили, он на женщин вообще не смотрит. На борьбу не ходит. Вместо борьбы какие-то парные танцы у него, кадрили.

---

[1] Сура из Корана, которую читают над умершими.

– Танго…

– Танго-манго. А прошлую зиму все время плавать ездил в море, как больной. В ластах.

– Отец, умоляю, ты кого слушаешь? Русик нормальный пацан.

– Тем более он у мечети за «железкой» живет.

– Да он никак с религией не связан. Ему вообще все это по барабану.

– Вот и это тоже плохо, если по барабану. Эти мечети тоже… Ты не знаешь, что вчера было?

– Да тут каждый день что-то.

– Короче, Духовное управление прислало за «железку» своего собственного имама. На замену тому, которого они после основания выбрали еще несколько лет назад. Из города, значит. И этот назначенный имам на «Приоре» прикатил, а с ним еще много машин со спортсменами, автоматчиками. Чуть снова драка не случилась.

– А чего это Духовное управление обостряет?

– Раньше, наверное, им Халилбек мешал. Он же опекал эту новую мечеть, деньги давал. А теперь они думают, раз Халилбек в тюрьме, запросто можно своего человека поставить. Но народ такой сплоченный там оказался. Они своего имама на руках носят. И не пустили его сменить.

– Они все «вахи» в этой мечети? Вместе с любимым имамом?

– Откуда я знаю, Марат? Сейчас разве можно понять, кто есть кто. Но, думаю, зря муфтият так осмелел, что новых имамов вместо старых, избранных, силой навязывает. Халилбек тоже еще выйти может.

– Все-таки побаиваешься, – не удержался Марат, допивая чай.

– Ле[1], ты что, думаешь, ты в Москве адвокат, значит, отцу можешь хамить, – вспыхнул отец.

– Да ты что, извини, я же просто…

– Что просто? У меня завотделом в Институте то же самое говорит, что я говорю. «Побаиваюсь»… Ты бы других видел! Никто против Халилбека и пискнуть не смеет. Кроме твоей глупой матери. Выжидают, кто победит.

Послышались шаги, и на веранду вернулась мать с исписанной бумажкой и ручкой в крупной руке.

– Я пошел, – засобирался вдруг отец.

– Куда? – громко поинтересовалась мать.

– К Шахмирзе.

– А, ну иди, только смотри, у них не кушай. А то жена Шахмирзы, наверное, думает, что я тебя голодом морю, и ты к ним за даргинским чуду[2] бегаешь.

– Молчи, слушай. Лучше свой список разбирай, – привычно клекотнул отец и вышел на крыльцо обуваться.

– Ну, смотри, – начала мать, доставая из кармана халата очки и расправляя свою бумажку со списком подходящих девушек на выданье. – Первая у меня идет дочка Бариятки.

– Ну нашла, с кого начать. Она же двух слов связать не может, – запротестовал Марат.

– А тебе нужно, чтобы она с трибуны выступала? Смешной ты тоже, Марат. Главное, чтобы с совестью была, а не такая, которой лишь бы хапнуть. Как воровка, про которую Зарема мне рассказывала…

– Мама…

– Заремина односельчанка, оказывается, сначала жениху согласие дала, золото с него получила, а потом сбежала в другое село с золотом и за другого вышла. Теперь ее семья от позора за порог не суется. Компенсацию собирает.

– Ну что за глупости? Это явно сама тетя Зарема придумала, у нее подходящее воображение. Кому это золото вообще нужно?

– Что значит, кому нужно? Я для твоей невесты уже сто тысяч отложила. И магазин присмотрела в городе. Схожу с ней, пускай сама выбирает на эту сумму. Заодно на вкус ее посмотрю. Если крупные цацки выберет, которые на три километра блестят, мы, может, от ворот поворот сделаем. Зачем с цыганской дурой связываться?

---

[1] Обращение к мужчине в Дагестане.

[2] Традиционное блюдо в виде печенных на сухом противне, а затем смазанных маслом и присыпанных толокном очень тонких круглых лепешек, начиненных творогом, зеленью, тыквой и др. Даргинские чуду гораздо толще и начинены мясом.

– Да про Барияткину дочь сразу понятно, что дура.

– А ты что, с ней разговаривал?

– Я ее страницу в интернете видел. Все время саму себя фотографирует. А еще картинки: котята, дети читают Коран, статус «я – дерзкая персона с 05 региона», состоит в группе «Красоточки-дагестаночки-мусульманочки»… Вычеркивай!

Мать вздохнула с непониманием, покусала губу, занесла ручку над нужной строчкой и, помедлив, вычеркнула.

– Кто там следующий? – зевнул Марат.

– А что ты зеваешь? – покосилась на него мать. – Вот послушаешь Сабрину, у тебя эти зевки в кишках застрянут и до рта не дойдут.

– Какая еще Сабрина?

– О, такая умница! Как академик! Из семьи Шаховых. Отец – военный, мама кардиолог, дедушка директором театра был… Золотая девочка! Медицинский на красный диплом окончила.

– Фотография есть? – полушутя-полувсерьез полюбопытствовал Марат.

Но мать как будто готовилась к вопросу. Полезла рукой в карман и вытащила фотокарточку, с которой холодно глядела тонкогубая красавица с длинными темными бровями.

– Откуда фотографию взяла? – удивился Марат.

– У Фирузы с Проспекта попросила.

– А у Фирузы она откуда?

– Фирузин покойный муж вообще-то был братом Шахова. И сын ее Шах, с которым вы на юрфаке учились, двоюродный брат Сабрины.

– А, так это сестра Шаха. В городе живут?

– Рядом с центральной площадью! Пойдем к ним в гости прямо завтра. У них там дядя полгода назад от инфаркта умер, так что предлог есть. Выразим соболезнование, а вы приглядитесь друг к другу.

– Ну ладно, посмотрим. Кто там еще в списке?

– Луизина племянница. Луиза так много про нее рассказывает. В детстве в ансамбле танцевала, сейчас учится вроде бы на экономиста. Видела ее на одной свадьбе – ну прямо тростиночка! И меня узнала, подбежала, давай целовать, обнимать, хотя я ее только в детстве видела. Вот это я называю «хороший характер». Будем у Абдуллаевых на сватовстве, там на нее и посмотришь.

– Ты хоть имя-фамилию ее скажи, я в интернете найду сначала, посмотрю, что за фрукт.

– Да я сама тебе ее вживую покажу, к шайтану твой интернет!

– Ну а дальше кто?

– Дальше с работы Асельдера…

– Из отцовского института?

– Да, у них в отделе молодая специалистка работает, активистка, секретарь. Я не хотела ее в список вносить, пока сама не посмотрела. Специально пошла к Асельдеру на работу. Смотрю: деловая такая, подвижная, не пропадет. Там же в кабинете косметикой торгует.

– Да, мама… Какой-то бедный выбор…

– Что значит, бедный? Я знаешь, скольких отсеяла, скольких перебрала, всю округу опросила. Хотела Муишкину дочку, но во дворе о ней нехорошо отзывались. Потом думала Курбановых, но потом узнала, что они с Халилбеком сильно дружат, и сразу себе сказала «нет!», – занервничала мать. – Сам найти никого не можешь который год, а меня критикуешь! Вот, следующую ты знаешь – Заира.

– Заиру сразу убери.

– Почему это «убери»? Своя, поселковая, толковая.

– В косынке ходит.

– Не в хиджабе же! Замотанных я сама терпеть не могу, а в косыночке – что? Очень мило.

– И молится. Даже думать не хочу.

– Это тебя Русик против молящихся настроил? Отец тоже молится, и что? И в хадж, иншалла[1], поедет…

– Мама!

– Хорошо, хорошо, вычеркиваю.

– Хадижа! – послышался во дворе женский голос. – Ты дома?

Мать встрепенулась, сложила бумажку и фотографию Сабрины в карман и звонко откликнулась:

– Ты, Зарема? Дома, дома, заходи.

Марат встал и, не дожидаясь появления гостьи, отправился в ванную.

(Продолжение следует)

---

[1] Если будет на то воля Аллаха (араб.).

Шамильский район
Фото К.Чутуева

Вид за Цудахаром
Фото К.Чутуева